ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 134 (3163) Четверг, 12 ноября 1953 г. Цена 40 коп.

ДЛЯ СОВЕТСКОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ

Торговая сеть принимает товары только хорошего качества

Много неприятных минут переживают сейчас руководители некоторых предприятий, занятых выпуском товаров народного потребления,— торговые организации стали возвращать им продукцию, не получившую одобрения покупателей.

В свое время наши женщины с большой охотой встретили выпуск штапеля. И вдруг на прилавках магазинов появилось штапельное полотно, качество которого не могло удовлетворить покупателя. У полотна отсутствовали присущие штапелю шелковистость, мягкость и блеск. Полотно удивляло своей плохой отделкой; платье, сшитое из него, топорщилось, после первой же стирки настолько садилось, что нельзя было его надеть.

Полотно не раскупалось, оставалось лежать на складах. В Центральном универмаге Москвы, например, накопилось 24 тысячи метров подобных тканей, выпущенных только двумя предприятиями — комбинатом «Трехгорная мануфактура» и Первой ситценабивной фабрикой. Торговые организации предупредили об этом производственников, однако выпуск недоброкачественных тканей продолжался.

На днях министр торговли СССР тов. А. И. Микоян, используя предоставленное торговым организациям право не принимать от промышленности недоброкачественные товары, применил к предприятиям-бракоделам материальные санкции. Комбинату «Трехгорная мануфактура» возвращено большое количество штапельных тканей. Заказ этому предприятию на четвертый квартал снижен с 3 миллионов 700 тысяч метров до 850 тысяч метров. Такая же санкция применена к Первой ситценабивной фабрике: вместо 15,2 миллиона метров ей заказано только 9,5 миллиона метров. Министр приказал торгующим организациям прекратить прием от этих предприятий штапельного полотна с плохой отделкой и неудовлетворительным художественным оформлением до тех пор, пока не будут устранены все недостатки.

В Министерстве торговли СССР корреспонденту «Литературной газеты» сообщили, что ткани и другие товары, не пользующиеся спросом у населения, возвращаются и периферийными магазинами. Из Молотова, например, сообщают, что «штапельное полотно Шуйской объединенной фабрики имеет вид ситца», магазины отказываются от него. Универмаги Ростова-на-Дону, Киева и ряда других городов отказываются от коверкота Кунцевской фабрики, кашемира Озерского и Черновицкого хлопчатобумажных комбинатов, хромовой обуви на резиновой подошве Кзыл-Ординской обувной фабрики, детских меховых пальто и шуб Пролетарского райпромкомбината гор. Куйбышева.

В то же время растут заказы торговых организаций на ткани шелкоткацких комбинатов гор. Оша (Киргизия), гор. Маргелана (Узбекистан) и других. Надо отметить, что еще два года назад на шелка этих двух предприятий почти не было спроса. Работники комбината учли урок, полученный от потребителей. В результате их последние шелковые ткани были признаны одними из лучших в стране.

С некоторым опозданием поняли свои ошибки и старейшие наши текстильные предприятия — «Трехгорная мануфактура» и Первая ситценабивная фабрика; они принимают меры для выпуска штапеля лучших сортов.

Какие товары нужны селу

Центросоюз значительно расширяет сеть сельских торговых предприятий для продажи населению товаров народного потребления. Как уже сообщалось в «Литературной газете», потребительская кооперация строит на селе свыше 250 универмагов и 800 специализированных магазинов, предназначенных для торговли продовольствием, обувью, одеждой, хозяйственными и культурными товарами, а также магазинов-складов строительных материалов. В будущем году начнется строительство еще около двух тысяч таких магазинов.

Одновременно с развитием торговой сети изучается спрос сельского населения на различные товары. Правления районных союзов потребительской кооперации и правления потребительских обществ должны теперь составлять заявки на товары, обязательно учитывая пожелания и предложения покупателей, требования магазинов и лавок.

Главные управления Центросоюза организуют получение систематической информации с мест о спросе на культтовары, хозяйственные, галантерейные и другие товары. В частности, Главное управление культтоваров создает информационную сеть, которая будет состоять из 25 корреспондентских пунктов; двадцать из них организуются в магазинах, и пять — на культбазах республиканских, краевых и областных союзов потребительской кооперации. В этих корреспондентских пунктах изучение спроса сельского населения должны вести работники прилавка, которые непосредственно связаны с покупателями. Главное управление будет получать от своих корреспондентских пунктов ежемесячные информационные сообщения, а один раз в квартал — сводную информацию.

Кроме того, по решению правления Центросоюза в разных районах страны создаются сорок контрольно-ассортиментных пунктов для постоянного учета происходящих на селе изменений в спросе на ткани, одежду и обувь.

Мастер кулинарии и его ученики

Елена Коноплева сдает зачет

На днях в одном из крупнейших ресторанов столицы можно было наблюдать такую сцену. За обеденным столом сидел пожилой мужчина. Обслуживали его сразу пять человек.

Вначале девушка в белом халате подала ему салат «Столичный». Затем последовали фирменный салат ресторана и любительский салат из птицы. После закусок была подана сборная рыбная солянка, а на второе — киевские котлеты и несколько других мясных блюд.

Необычным было такое обилие блюд, заказанных одним человеком. На самом же деле он лишь пробовал и оценивал их качество. Это был один из старейших столичных поваров Алексей Гаврилович Чеклашков, проверявший кулинарное мастерство своих учеников.

Сорок с лишним лет работает А. Чеклашков поваром, ни разу не изменив своей профессии; будучи в армии, он служил кашеваром. За свою жизнь Алексей Гаврилович готовил пищу для многих тысяч людей. Сейчас он заведует производством ресторана «Аврора». Под его наблюдением ежедневно готовится несколько тысяч блюд полутораста наименований. Старый повар готовит сам и руководит работой большой группы молодых помощников, обучая их кулинарному искусству, воспитывая у них тонкий вкус.

Поваров обычно выпускают специальные школы ФЗО и курсы. А. Г. Чеклашков принимает учениками юношей и девушек, окончивших семилетку, и обучает их поварскому делу на кухне в процессе повседневной работы. Много его питомцев трудятся сейчас самостоятельно в ресторанах, столовых Москвы, Ленинграда и других городов. И их всюду охотно принимают. «Я учился у Чеклашкова» — хорошая рекомендация.

И вот на днях заслуженный кулинар задал контрольную работу своим ученикам. Пять девушек и один юноша — Елена Коноплева, Саша Кащеева, Валя Золотухина, Галя Провоторова, Людмила Ситнова и Женя Ключин — получили задание: приготовить несколько блюд. Учитель дал их работе такую оценку:

— Любое из этих блюд я не постеснялся бы выпустить из кухни на стол посетителя.

Через полгода молодые повара, получившие эту отличную оценку, пойдут на самостоятельную работу.

П. МАКРУШЕНКО

А. Чеклашков и его ученицы (слева направо): А. Кащеева, Г. Провоторова, В. Золотухина и Л. Ситнова.

Фото С. Васина

Главное дело писателя

Творческий труд писателя — какой это сложный, радостный, вдохновенный и кропотливый труд! Ни на одну минуту не прекращается, ни на один час не останавливается накопление опыта и наблюдений, отбор фактов и образов, обдумывание больших жизненных проблем и крохотных бытовых деталей, всего того, из чего вырастает роман или новелла, поэма или стихотворение, драма или комедия. И прежде чем созреет конкретный замысел, до того, как четко определится тема и наметится сюжет,— писатель уже вынашивает в себе будущее произведение, вырастающее из всего его жизненного опыта, из всех его знаний и чувств, из всех его связей с жизнью своего народа.

А когда наступает время для осуществления замысла, когда за письменным столом писатель облекает в живую словесную ткань все то, что он хочет выразить,— начинается новый этап этого непрекращающегося труда. «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды»,— так определял Маяковский этот сложный процесс работы над словом. Об этом кропотливом труде свидетельствуют испещренные поправками, перечеркнутые, многократно переделанные и переписанные рукописи крупнейших наших писателей. Мы с благоговением изучаем пожелтевшие черновики Пушкина, многочисленные редакции лермонтовского «Демона», бисерным почерком написанные страницы Горького. Десятки набросков, вариантов, отрывков, в которых по-разному изображено одно и то же событие, оставил нам величайший гений русской литературы Лев Николаевич Толстой; писатель становился более зрелым и опытным, шли годы, а количество исправлений и вариантов, набросков и переделок не уменьшалось. Семь раз переписывалась «Война и мир», не меньше переделок было и в последнем романе Толстого «Воскресение». С восхищением обнаруживает исследователь, как менялся, совершенствовался каждый образ романа, как углублялся каждый характер, как уточнялась каждая мысль, как тщательно шлифовалась каждая грань гениальных произведений.

Зрелость, опытность и мастерство не упрощают труд писателя, не делают его более легким; наоборот, с годами повышается взыскательность, и то, что молодому автору кажется удачей, то зрелый мастер часто находит несовершенным. Эта постоянная неудовлетворенность, стремление к большей глубине и яркости слова и образа, к более точному воплощению своего замысла способствует творческому росту писателя. Настоящий художник никогда не повторяет то, что им уже сказано, никогда не возвращается на пройденный путь; он всегда идет вперед, совершает новые открытия.

А сколько знаний нужно писателю, чтобы верно отразить жизнь — не в поверхностных ее проявлениях, а в глубинных процессах, не в случайных фактах, а в существенных, типических чертах, в обобщенном образе! Сколько знаний — исторических и экономических, географических и технических знаний, многогранных, как сама жизнь,— нужно писателю для того, чтобы его творчество отразило эпоху, чтобы под его пером ожили люди во всем многообразии своих профессий, помыслов, интересов и чувств! И каким стойким, цельным, зрелым должно быть философское мировоззрение писателя, берущего на себя ответственную роль «инженера человеческих душ», выступающего, по слову Горького, как «судья мира», произносящий приговор злу и утверждающий светлые идеалы коммунизма.

Творческий труд — это содержание и смысл всей жизни писателя, это его место в строю, это его участие в жизни своего народа, тот вклад в созидание своей Родины, о котором говорил Маяковский:

Грудью
у витринных
книжных груд.
Моя
фамилия
в поэтической рубрике.
Радуюсь я —
это
мой труд
вливается
в труд
моей республики.

Прогрессивные писатели прошлого, отдававшие литературному труду все силы своего ума и таланта, весь жар своего сердца, понимали литературный труд, как служение народу, как борьбу за правду, как участие в общественном прогрессе. Только те писатели, которые неустанно искали ответа на острые вопросы своего времени, сыграли великую роль в идейном развитии общества, заняли почетное место в истории отечественной культуры, заслужили неумирающую славу и благодарную память потомков: Радищев, Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Герцен, Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Щедрин, Толстой, Чехов... А вслед за ними и многими их современниками — наши ближайшие предшественники, которыми мы гордимся, как славой обновленной, советской России: Горький, Маяковский, Н. Островский, Фурманов, Серафимович, Макаренко, и рано погибший Крымов, и Гайдар, и Павленко...

Эти примеры и учат и обязывают.

Но не все писатели следуют этим примерам. Еще встречаются торопливые наброски, выдаваемые за очерки, бесформенные пересказы событий, названные романами, поспешно зарифмованная проза, объявленная поэзией, безжизненные разговоры, именуемые пьесами. Есть произведения, вызывающие чувство резкой неудовлетворенности в читателе, справедливо сетующем на нетребовательность литератора к себе. Очень часто причина художественного несовершенства кроется не в ошибочном замысле, не в отсутствии таланта, а в ненужной спешке и недостаточном труде.

Читатель—наш многомиллионный и многонациональный советский народ — ждет от советской литературы ярких, высоко художественных произведений. Только неутомимый и самоотверженный творческий труд может создать такие произведения.

Это не всегда помнят и сами писатели, и писательские организации, и издательства; об этом подчас забывает и наша общественность.

Разве не о забвении главной задачи писателей говорит то, что многим писателям приходится писать только... во время отпуска! Это парадоксально, но факт. Так, например, ленинградский поэт Анатолий Чивилихин состоит членом редколлегии журнала «Звезда», методического совета бюро пропаганды художественной литературы, редсовета издательства «Советский писатель», комиссии по творческим командировкам... Кроме того, он должен посещать секцию поэтов и... все это сверх постоянной штатной работы заместителя секретаря отделения ССП! А ведь А. Чивилихин при этом является членом горкома партии и областного Совета профсоюзов...

Киргизский писатель Т. Сыдыкбеков, являясь депутатом Верховного Совета Киргизской ССР и Фрунзенского горсовета, выполняет многочисленные другие обязанности: он—член Всесоюзного и Киргизского комитетов защиты мира, член правления и президиума Киргизского отделения ССП, руководитель творческой секции прозаиков, член ученого совета публичной библиотеки, член редколлегий двух журналов...

— Не знаю, как другие писатели,—говорит Т. Сыдыкбеков,— но я не могу работать над произведением урывками. Надо сжиться с героями, с их настроениями и думами... Но, когда тебя без конца отрывают, не успеваешь продумать, выносить свой замысел, настроить себя на работу... То тебе присылают рукопись на отзыв, то зовут на заседание. И главная твоя обязанность — писать книги — отодвигается на второй план.

Редакция «Литературной газеты» собрала многочисленные сведения о работе, выполняемой писателями. Они открывают картину расточительного, бесхозяйственного расходования времени. Шесть-семь общественных поручений (а у некоторых писателей — еще и работа в редакции или научном институте) — это обычное явление.

В практике литературных организаций появилось и такое понятие, как «творческие» или «запретные» дни, когда в Союзе писателей не проводятся никакие собрания и заседания.

Увы! И общие и индивидуальные «творческие дни» постоянно срываются. Ни издательства, ни редакции, ни другие многочисленные организации, в которых участвуют писатели, зачастую не считаются с их творческим «режимом». Никто не решится без особой срочности созвать в середине рабочего дня заседание, на котором должны присутствовать рабочие и служащие, избранные в тот или иной орган. Ведь нельзя учителей отрывать от школы, врачей — от больниц, рабочих — от станков, колхозников — от сева или уборки. С писателями же дело обстоит по-иному. Даже работникам аппарата Союза писателей, литературных издательств и редакций и в голову не приходит, что писатель занят своим производством — сложным, напряженным, требующим сосредоточенного внимания, глубокого раздумья, душевного спокойствия и вдохновения.

Звонят телефоны, печатаются повестки, мчатся курьеры с объемистыми рукописями. И писатель, едва обмакнув перо в чернила, встает из-за своего рабочего стола, расстается со своими героями на полуслове, покидает свою повесть на самом остром моменте, оставляет недорисованным портрет, недописанным волнующий диалог, недодуманными те мысли, которые его произведение должно донести до читателя.

Очень немногие писатели могут похвастаться определенным рабочим режимом, сколько-нибудь упорядоченным рабочим временем. Многие работают по ночам, отрывая часы у необходимого отдыха. Жалобы на недостаток времени, на невозможность побывать в нужных местах, повидать нужных людей, прочесть нужные книги — это частые жалобы.

Причина такой перегруженности известных писателей заключается в краткой формуле:

— У одних — много, у других — мало.

Это действительно так. И это свидетельствует о низком уровне организационной работы Союза советских писателей. Органы союза не думают о том, чтобы более правильно распределить общественную работу между писателями, дать поручения не только наиболее известным и опытным товарищам, но и смело выдвигать рядовых литераторов, писательскую молодежь. В этом проявляются и непонятное пренебрежение к основному писательскому труду, и неумение использовать общественную активность массы писателей, и неумение индивидуально работать с писателями, учитывая их интересы и склонности. Небольшая группа людей оказывается в нелепом положении постоянных «заседателей», носителей всех и всяческих выборных и невыборных должностей, в то время как многие,— к сожалению, очень многие!— писатели совсем не участвуют в общественной работе. Все это не только плохо отражается на творческой работе одних, но и препятствует росту общественной активности других писателей. Такое положение ведет к снижению требовательности и в творческой и в общественной работе. Не редки случаи, когда того или иного писателя упрекают в том, что он пропускает заседания, а то и вовсе не участвует в практической работе редколлегии, в которой числится. Такие упреки неизбежно будут повторяться, если Союз писателей не сумеет подобрать каждому писателю серьезное и ответственное общественное дело, интересное ему самому и нужное народу. Если такое дело подобрать, писатель будет не только посетителем собраний или торопливым, поглядывающим на часы, случайным участником многочисленных заседаний, а вдумчивым, осведомленным, заинтересованным и полезным общественным деятелем.

Высокие примеры общественной деятельности дали миру прогрессивные русские писатели прошлого. Высокие образцы организаторской и пропагандистской деятельности дали Горький, Маяковский, Алексей Толстой и многие другие советские писатели. Нельзя представить себе советского писателя, который не считал бы активную общественную деятельность необходимой частью своей жизни, своей кровной обязанностью и своим неотъемлемым правом гражданина, и не считал ее вместе с тем необходимой формой своей связи с народом, важнейшим источником познания жизни.

Но подлинная общественная активность не имеет ничего общего с заседательской суетней, которая не только не обогащает писателя, но мешает его творчеству, занимая его «святые часы» — часы творческого труда. Творческий труд должен быть главным делом жизни писателя, тем вкладом, который он вносит в развитие советской культуры, в борьбу за торжество коммунизма.

Международные отклики

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ ХЭНСОНА БОЛДУИНА

Рис. Бор. Ефимова

Военный обозреватель американской газеты «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин разразился на днях двумя статьями. Во время второй мировой войны, как известно, он прославился оголтелой антисоветской клеветой и откровенными дифирамбами по адресу гитлеровцев. За это Болдуин по праву был увенчан малопочтенным титулом «адмирала чернильной лужи». С тех пор Болдуин не переставал клеветать. Но теперь он касается не только крупных вопросов американской военной стратегии, но и внешней политики.

В настоящее время, как видно из упомянутых нами статей, Болдуина очень сильно беспокоит «развитие политической ситуации в Европе». Тут американская политика, как деликатно выражается Болдуин, натолкнулась на целый ряд непредвиденных «затруднений», путающих все карты агрессивных кругов США. Болдуин намекает и на главную причину этих затруднений — широкое сопротивление народов западноевропейских стран американскому диктату. Что же встревожило американского обозревателя? Прежде всего ему, оказывается, внушает серьезное опасение тот факт, что ратификация договора о создании «европейского оборонительного сообщества» «откладывается на будущее», а следовательно, задерживается включение реваншистского западногерманского вермахта в «европейскую армию».

«Время уходит,— истерически восклицает Болдуин,— и терпение истощается!» Верный трубадур агрессивных кругов США, Болдуин ставит точки над «и». Он пишет: «Этот список затруднений укрепляет мнение некоторых лиц в Вашингтоне, в том числе и многих представителей Пентагона, что США должны найти иной путь, помимо создания европейской армии».

Где же искать этот «иной путь»? И Болдуин отвечает: «Если европейская армия к лету 1954 года будет оставаться планом на бумаге», США должны добиваться «включения Западной Германии в Северо-атлантический союз».

Ничего нового в таком предложении, по сути дела, нет. Американская реакционная печать и американские государственные деятели неоднократно писали и говорили на эту тему. И все же Болдуин возвращается к ней не случайно. Дело в том, что протесты общественности против боннского и парижского соглашений резко усиливаются. В соседние с Германией страны Европы, испытавшие уже на себе нашествие германских милитаристов, теперь явственно доносятся реваншистские вопли Аденауэра. В такой обстановке угроза включения Бонна в агрессивный Северо-атлантический блок используется некоторыми зарубежными кругами, как еще одно средство грубого нажима на западноевропейские страны.

О том, что положение в Западной Европе немало беспокоит правящие круги США, говорит и вторая статья Болдуина, опубликованная также на страницах «Нью-Йорк таймс». Болдуин, разумеется, не в первый раз вытаскивает на свет божий затасканный миф о «советской угрозе», которым он и пытается стращать западноевропейские народы.

При этом Болдуину волей-неволей приходится признавать тот весьма прискорбный для правящих кругов США факт, что в Западной Европе повсеместно увеличивается недовольство американской политикой диктата. Ничего утешительного в этом смысле не видит Болдуин и в будущем. Дальнейшее развитие событий, по его словам, несомненно, «скажется на нейтралистских настроениях в Европе и на политической надежности некоторых наших (американских. — Лит.) союзников, находящихся в трудных обстоятельствах».

Как же быть? Какой выход находит американский обозреватель из того тупика, в котором очутилась внешняя политика США? Никакого. Необходимо усиливать и впредь американский нажим на западноевропейских «союзников», твердит Болдуин. Видимо, стараясь подбодрить своих единомышленников в Европе и нагнать страху на «инакомыслящих», он с тупым упрямством хвастает давно уже развенчанным американским «превосходством» в области атомно-водородного оружия и кричит о необходимости для США самим «нанести первый удар» противнику.

Хэнсон Болдуин откровенно признается в том, что он не может дать «точной оценки» всем политическим проблемам. Но за него это сделали его хозяева — редакторы газеты «Нью-Йорк таймс» в редакционной статье, опубликованной 8 ноября. «Запад должен продолжать наращивать вооруженные силы»,— такова «основная проблема», стоящая, по мнению «Нью-Йорк таймс», перед агрессивным атлантическим блоком.

Нетрудно убедиться в том, что подобный вывод в корне противоречит стремлению миролюбивых народов к ослаблению международного напряжения. Он лишний раз свидетельствует об отсутствии у американских политиков, от лица которых, собственно, и выступает газета «Нью-Йорк таймс» и ее обозреватель Хэнсон Болдуин, действительного желания урегулировать назревшие международные вопросы.

ЛИТЕРАТОР

Зарубежные гости в новом здании МГУ

Члены иностранных делегаций, прибывшие в Советский Союз по приглашению ВОКС, посетили новое здание Московского государственного университета на Ленинских горах. Они осмотрели аудитории, научные лаборатории, комнаты студентов и аспирантов, беседовали с ректором университета академиком И. Петровским и главным архитектором здания, действительным членом Академии архитектуры СССР Л. Рудневым.

Вечером в Доме культуры Московского университета состоялась встреча иностранных делегаций со студентами, аспирантами, профессорами и преподавателями университета. От имени иностранных делегаций член бразильской делегации профессор университета в Сан-Пауло архитектор Виланова Артигас выразил благодарность за предоставленную возможность посетить дворец науки.

С краткими речами на вечере выступили профессор высшей технической школы в Дрездене Франц Кинаст, лектор Люблинского университета имени Марии Кюри-Складовской Богдан Добжаньский, греческий общественный деятель и журналист Георгиос Драссос, заместитель председателя Монгольского общества культурной связи с Советским Союзом Самбу, корейский писатель Ли Ги Ен.

Иностранные гости выразили восхищение новым зданием университета, отметили огромную заботу в Советской стране о развитии науки, образовании молодежи. Они говорили о миролюбивом характере советской культуры, о стремлении к миру всех советских людей.

Затем состоялся концерт, в котором выступили участники художественной самодеятельности Московского университета и молодые артисты.

Вечер прошел в теплой, дружественной обстановке.

Будущая улица

Одна из новых улиц Челябинска: по обе стороны стоят красивые, светлых тонов дома, окруженные зеленью. Их соединяют легкие арки, образуя радующий глаз единый архитектурный ансамбль.

Сейчас еще нельзя пройти по этой улице — она только рождается. Но полное представление о ней можно получить, побывав в архитектурных мастерских Государственного института проектирования городов (Гипрогор). Здесь создается серия типовых проектов жилых домов, предназначенных для массового строительства в городах и рабочих поселках. Пользуясь типовыми проектами, архитектор-градостроитель сможет создавать разнообразные композиции застройки, отвечающие требованиям местности. В серию включено более двадцати проектов четырех-пятиэтажных зданий, различных по своей архитектурной форме и объему, внешней отделке, количеству квартир и их планировке.

Новые дома будут иметь от пятидесяти до ста квартир со всеми удобствами. Их фасады намечено облицевать бетонными плитами светлых тонов. В нижних этажах зданий расположатся магазины, комбинаты бытового обслуживания, детские сады и ясли.

Таким образом, строители, получая готовые проекты, сэкономят немало времени и средств.

Большой выбор проектов позволит проводить строительство кварталами, широко применяя конструкции и детали заводского изготовления.

Первые шесть типовых проектов жилых домов уже разработаны. По этим проектам начато строительство домов в Челябинске, Сталинграде, Сталинске и других городах. Вместе с проектами застройщики получают альбомы с фотографиями и рисунками, показывающими, как надо расположить здания, чтобы создать законченный архитектурный ансамбль.

Новые заработки трактористов

В бухгалтерии Карповской машинно-тракторной станции шумно и оживленно. К кассе один за другим подходят трактористы, комбайнеры, рабочие. Производится выдача первой повышенной заработной платы.

— 100, 200... 994 рубля, получайте,— говорит кассир трактористу И. Михайленко.

— Почти тысяча,— с удовольствием замечает Михайленко.— Ну, жену не удержишь, поедет в город за покупками.

Кассир отсчитывает зарплату следующему — бригадиру тракторной бригады А. Лихолетову. Славно поработала его бригада в прошлом месяце. Лихолетову выдается на руки 1.790 рублей.

— Раньше,— говорит он,— я получил бы на 700 рублей меньше. Жизнь на глазах улучшается, богатеем. Пойду семью обрадую.

— Иди, заждались, видимо,— дружелюбно отвечает ему директор МТС М. Мишерев и обращается к нам:

— Фонд заработной платы у нас после постановления правительства резко увеличился. Обычно нам отпускалось около 60 тысяч рублей в месяц, теперь на это же количество рабочих — 100 тысяч рублей.

Первая получка по новым ставкам сейчас выдается во всех машинно-тракторных станциях области. Многие трактористы и комбайнеры заработали в октябре по 3—4 тысячи рублей.

Зимние месяцы — наиболее удобное время отдыха работников МТС. Свои отпуска многие комбайнеры, трактористы, токари и слесари пожелали провести на курортах и в домах отдыха. Секретарь Сталинградского обкома профсоюза работников сельского хозяйства и заготовок М. Дулин сообщил, что из МТС поступило 538 заявок на путевки в дома отдыха и в санатории. Часть заявок уже удовлетворена. В ноябре на Черноморское побережье поедут комбайнер Краснянской МТС И. Кравченко, тракторист Краснослободской МТС А. Поздняков, тракторист М. Васильев из Мало-Дербетовской МТС и другие. На следующий год союз получит почти на два миллиона рублей курортных путевок.

В. РОСТОВЩИКОВ

СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

Дипломанты Литературного института

В Литературном институте имени М. Горького началась защита дипломных работ выпускников заочного отделения.

С разных концов страны—Украины, Туркмении, Татарии, Чувашии, из Молотова, Владимира, Армавира, Челябинска, Горького и других городов съехались в столицу молодые литераторы. Среди дипломантов много и москвичей.

Имена некоторых выпускников заочного отделения хорошо известны советским читателям. И. Ирошникова (Москва) в качестве дипломной работы представила свою документальную повесть «Начало пути», посвященную Валентине Хрисановой, поэт А. Ковусов (Туркмения) — книгу стихов «Утро Кара-Кумов», В. Федоров-Осинин — сборник стихов о послевоенной Германии «Цветы и пепел», содержащий шестьдесят шесть произведений (часть их опубликована в журнале «Знамя»), поэт В. Труханов (Сталино) — книгу стихов «Молодость Донбасса».

К оценке дипломных работ привлечены известные прозаики, поэты и критики. В первых заседаниях, кроме членов экзаменационной комиссии — Е. Долматовского (председатель), В. Ажаева, М. Луконина, Л. Соболева, В. Лидина, С. Смирнова, Н. Замошкина, приняли участие Б. Агапов, П. Антокольский, В. Луговской, С. Наровчатов, Г. Медынский, В. Полторацкий, С. Бабенышева, А. Карцев и другие.

Будут обсуждены произведения двадцати шести авторов.

В художественной мастерской московской фабрики имени Маркова. Специалист по ткацким переплетениям В. Н. Шибалева разрабатывает структуры новых декоративных тканей.

Фото С. Васина

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ИНСТИТУТУ НУЖНА ПОМОЩЬ

Многим читателям «Литературной газеты» знакомо слово «Росгипроводхоз». Это — республиканский Государственный институт по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства. Сотрудники института заняты проектированием мелиоративных сооружений и разработкой перспективного использования заболоченных земель по всей Российской Федерации. «Схема мелиоративных мероприятий и сельскохозяйственного освоения земель Мещерской низменности», «Схема водномелиоративных мероприятий в Барабинской низменности», «План мелиоративных мероприятий в Новгородской области», «Схема развития рисосеяния в Приморском крае» — вот только некоторые из проектных работ, выполненных за последнее время институтом.

Институт имеет 7 филиалов, 8 экспедиций и 4 отделения. В центральном производственно-техническом аппарате в Москве работают 370 инженеров и техников, проектирующих наиболее крупные мелиоративные системы. Здесь же сосредоточены изыскательские партии, выполняющие съемки и исследовательские работы на всех подмосковных объектах: в пойме реки Пехорки и Москвы-реки, в долине Яхромы, Сестры, в пойме реки Оки.

Однако условия, в которых работает коллектив Росгипроводхоза, не позволяют успешно выполнять исследования и проекты. Институт не имеет лабораторий для анализа грунтов и воды. Плохо обстоит дело с оборудованием для производства изысканий. Проектировщики лишены самых элементарных условий для работы. Отделы института разбросаны в пяти различных местах города и занимают помещения, большинство из которых не имеет дневного света и нормальной вентиляции.

Министерство сельского хозяйства и заготовок РСФСР и его Главводхоз не уделяют должного внимания институту.

Через «Литературную газету» мы обращаемся к руководителям Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР: намерены ли они помочь Росгипроводхозу, чтобы мы могли в срок выполнять изыскательские и проектные работы по мелиоративному строительству?

Специалисты института Росгипроводхоза:

М. Превратухин, В. Хрусталев, А. Панадиади, В. Малаховский, М. Булыгин, Г. Комаров, В. Шраг, Ю. Никольский, А. Климентова, Е. Трубачева, В. Кошкадаев, А. Шатилова, Л. Баркова и другие.

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. Наш корреспондент ознакомился с положением института по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства. Перед институтом стоят большие задачи. Постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС предусматривает развитие всех отраслей сельского хозяйства, в том числе животноводства и овощеводства. В ряде районов страны это неразрывно связано с проведением мелиоративных работ по улучшению лугов и пастбищ, по расширению площадей под посев трав и овощей.

Проектирование мелиоративного использования новых земель в этих районах ведет Росгипроводхоз. Однако институт явно отстает от новых требований. Составление проектов по освоению земель в Барабинской низменности, как и проектирование множества других объектов, затягивается. Неудовлетворительно ведутся изыскания по созданию новых овощеводческих баз в Подмосковье, в Смоленской, Ярославской и других областях.

Многие недостатки объясняются отсутствием самых необходимых условий для работы Росгипроводхоза. Нехватка оборудования в изыскательских партиях не позволяет проводить исследования быстро и высококачественно. Большинство автомашин, которыми пользуются экспедиции,— довоенного выпуска «ГАЗ-АА»,— они давно пришли в негодность. Отсутствует буровой инструмент; нет резиновых и моторных лодок для работы на болотах и реках, нет палаток и другого лагерного оборудования. Рабочие Росгипроводхоза не обеспечены спецодеждой. Все это приводит к текучести рабочей силы и технического персонала в экспедициях.

Не лучше положение и с оборудованием проектных групп и отделов. Отсутствуют счетные машины, кульманы для выполнения сложных чертежей. Институт не имеет фотолаборатории, светокопировальной и переплетной мастерских. Это значительно удорожает и затягивает оформление и выпуск проектов.

У Росгипроводхоза нет в Москве и почвенно-грунтовой лаборатории. Образцы грунтов и воды, взятые в поймах Оки, Яхромы, Сестры, озера Неро, отправляются для исследования в Новосибирск или еще дальше — в Барнаул. Земля и вода Подмосковья в посылках путешествуют из одного конца страны в другой; тратится время, непроизводительно расходуются государственные средства.

Проектные и сметные отделы института разбросаны в пяти концах столицы. Проектные группы, размещенные по улице Разина, 3, занимают бывшие торговые помещения. Здесь тесно и душно. Столы стоят вплотную один к другому. В помещении нет окон, и проектировщики работают постоянно при электрическом свете. Так же тесно и в недавно предоставленном помещении по Дегтярному пер., 8. В Росгипроводхозе, в нарушение всех правил, широко распространена система «надомничества», когда сотрудники, состоящие в штате института, трудятся над выполнением проектов на дому. Отсюда — удорожание проектов, затягивание сроков выполнения, бесконтрольность.

Сотрудники годами не общаются друг с другом; им негде собраться вместе, творчески обсудить проекты, решить неотложные производственные дела.

Само собой напрашивается вопрос: знают ли о таком тяжелом положении Росгипроводхоза в Министерстве сельского хозяйства и заготовок РСФСР? Знают, и, в частности, знает начальник Главводхоза тов. Никитин. Надо думать, что теперь, после опубликования письма, министр тов. Лобанов примет действенные меры помощи институту.

ПУСТЬ ЯРЧЕ ЗАИГРАЮТ УЗОРЫ!

Старый мастер

В Иванове, городе ткачей, мне довелось услышать об удивительно интересном человеке.

Живет в рабочем поселке Меланжевого комбината старый мастер, один из первых в России художников по ткачеству. В годы войны он потерял сына-комсомольца, командовавшего партизанским отрядом в тылу врага. Это подорвало здоровье старого мастера. Он заболел, а потом ушел на пенсию.

Прошлой осенью в Главное управление хлопчатобумажной промышленности Ивановской области прибыл толстый пакет. Когда его распечатали, там оказались испещренные красными и синими крестиками и квадратами так называемые «заправочные рисунки» — чертежи проектируемых тканей. В препроводительном письме аккуратной старческой рукой было выведено:

«Посылаю вам 12 переплетений разных видов для штапельных и хлопчатобумажных тканей. Работу свою посвящаю съезду Коммунистической партии. Переплетения строил не только для улучшения внешнего вида и структуры тканей, но и с целью облегчения технологического процесса...»

Так ветеран-ткач снова встал в строй тружеников.

Я узнал, что зовут его Иваном Яковлевичем, а фамилия—Скворцов и что почти пятьдесят лет своей жизни он отдал составлению ткацких рисунков.

* * *

Под оформлением ткани у нас нередко подразумевают только ее расцветку и тот рисунок, что наносится на материю валами ситцепечатной машины. Однако существует и другое средство придавать ткани красоту, изящество. Средство это заложено в самой природе ткани.

Ткацкие переплетения продольных и поперечных нитей — это особое высокое искусство, сочетающее математический расчет и фантазию. Если при переплетении сдвигать узор на одну нить градусов на сорок пять, то на лице ткани выступит характерный «рубчик». А если сдвигать на две нити, то «рубчик» получится более резкий, углубленный. Можно дать на материи полоски с противоположным направлением нитей, и это тоже очень красиво,— «елочка». Можно пустить узор зигзагом, можно так сочетать нити, что ткань будет казаться зернистой, рельефной. В этом, между прочим, состоит эффект креповых переплетений.

Когда специалист по ткацким переплетениям (его называют на фабриках — дессинатор), склонившись с лупой над пробным образцом материи, осторожно раздвигает иглой ниточки, он решает не только производственные, но и чисто художественные задачи... Как сочетать ткацкий рисунок с набивным? Как придать «шерстистость» хлопчатобумажной ткани: может, для этого надо подчесать часть волокон, чтобы они поднялись, давая играющее отражение света (по-фабричному — «искру»)?

Я побывал в хранилище образцов Ивановского меланжевого комбината. В специальных шкафах с раздвижными дверями и в толстых, похожих на библии, книгах собрано более 12.000 образцов тканей всевозможных переплетений и расцветок.

Мне показывали «дичку», серую грубоватую материю, первую пробу ивановских меланжистов, относящуюся к 1929 году. Следующий образец: по «дичке» пустили голубенькую полоску. Трико. Шевиот. Сукно. Образцы, получившие премии на Международной выставке в Париже в 1937 году. Хаки военных лет... Послевоенный коверкот. Нити сплетаются изящными редкими полосками. Еле заметная вишневая «просновка» (цветная нить), пущенная по темносерому фону, подчеркивает крепость и эластичность материала. Рядом — тяжелая богатая ткань с выпуклыми узорами...

Невольно возникает вопрос: а умножается ли это богатство теми темпами и с тем размахом, каких сегодня требуют быстро растущие потребности и вкусы наших людей? Изучается ли великолепное мастерство наших старых дессинаторов, наследуется ли их опыт?

С этими мыслями я и пошел к заслуженному дессинатору Скворцову.

В большой светлой комнате, увешанной по стенам акварельными пейзажами, трудился над образцами материи сутуловатый пожилой человек. Рядом с лоскутами лежали книги, газеты.

Впоследствии я узнал, что этот художник-самоучка уже в солидном возрасте пошел учиться в Ивановский текстильный институт на заочное отделение и не закончил вуза только из-за болезни.

Голос у него негромкий, и серые глаза за стеклами очков смотрят кротко. Однако, когда он снимает очки, взгляд его поражает своей пристальной остротой.

— Медленно, слишком медленно расширяется у нас ассортимент тканей, — сказал Иван Яковлевич, когда разговор перешел к проблемам текстильной промышленности.—Возьмите штапель. Наши ивановские фабрики третий год выпускают штапельную ткань только в одном переплетении — полотняном. Просто, привычно... Но людям надоели миткали! Ткань жестковатая, однообразная по рисунку. Из той же самой штапельной пряжи можно соткать и мягкую сорочечную ткань, и саржу — школьницам на платье! — и креп... Без всяких дополнительных затрат на сырье, на оборудование.

Мне вспомнилось, что рассказывали об Иване Яковлевиче на комбинате. По десятку раз переделывал мастер заправочные рисунки, заходил проверять свои замыслы в магазины. Приглядывался к тому, что именно женщины выбирали себе на платье или на костюм, и тут же набрасывал рисунок, который позволял открыть пестротканный узор основы, дать узору выявить себя — «заиграть».

— Наши хозяйственники ищут средства, как покончить с усадкой штапеля, как добиться несминаемости хлопчатобумажного шевиота, коверкота,— продолжал Скворцов.—Испытывают различные химические пропитки, способы отделки готового товара. Все это нужно, конечно. Но ведь есть и еще один путь. Менять структуры тканей. Варьировать плотность нитей по основе и утку, изобретать новые, оригинальные переплетения...

— Что же мешает итти по этому пути?

— Что мешает? Да вот почитайте...

Старик достал с этажерки папку и выложил на стол несколько вырезок из областной газеты «Рабочий край». Одна озаглавлена: «Серьезный пробел в работе специалистов ткачества» и подписана: «И. Скворцов, пенсионер, бывший заправочный мастер Ивановского меланжевого комбината».

Скворцов критиковал директоров фабрик и руководителей главка за то, что не внедряют в производство новые переплетения, не готовят кадры дессинаторов, а к существующим работникам относятся, как к представителям некоей вымирающей профессии.

Статья Скворцова была опубликована год назад. А что сделано с тех пор?

— Почти ничего,—ответил Иван Яковлевич. — Знаю, что после статьи в главке созывали совещание. Решения приняли хорошие: взяться за разработку новых структур тканей, давать за них премии, организовать курсы по изучению ткацких переплетений. Все это осталось на бумаге. Вот и мои двенадцать рисунков где-то застряли... Если бы сердце позволило, сам бы пошел, проверил.

Впервые за все время нашей беседы он упомянул о своей болезни. Я посмотрел на его сухие беспокойные руки. Нет, эти руки не хотели еще заслуженного отдыха.

А где же смена?

Ни в Главном управлении хлопчатобумажной промышленности Ивановской области, ни в Центральном ассортиментном кабинете в Москве, где я интересовался судьбой новых ткацких переплетений, никто не отрицал важности труда дессинаторов.

— Помилуйте, — воскликнул главный инженер ивановского главка В. Лавров. — Кто же против дессинаторов? Пусть творят. Но разве могу я думать только об эстетике? А прочность ткани? А производительность оборудования? Погонюсь за новым узорчиком (он так и сказал: «узорчиком»), а план не выполню,— за это спасибо не скажут.

Как мне рассказывали потом работники центральной лаборатории главка, тов. Лавров не раз говорил им, что не наше, мол, дело заниматься новыми переплетениями, пусть об этом беспокоятся научно-исследовательские институты. Эстетику, «узорчики» главный инженер рассматривает, как нечто постороннее интересам производства.

Подобные рассуждения можно услышать и от некоторых директоров ивановских фабрик. Новые ткацкие рисунки, говорят они, дело хорошее, да где же их проверять? Все станки заправлены «плановым ассортиментом».

Фабрики смотрят на главк, главк смотрит на министерство... А кто же заботится о создании новых структур тканей в самом аппарате Министерства промышленных товаров широкого потребления СССР?

Оказывается, в министерстве нет специального органа, который направлял бы творческую деятельность и дессинаторов, и колористов, и художников набивного рисунка, заботился бы о них, поддерживал их точку зрения, часто не совпадающую с узко деляческим подходом к производству иных хозяйственных руководителей.

— Посмотрите на машиностроительные министерства, — с горечью говорил мне заместитель директора Центрального ассортиментного кабинета Г. Захаров.— Есть у них и главные конструкторы, есть и конструкторские бюро. А у нас? Существовала года два назад художественная секция при Техническом совете, да и ту ликвидировали, как нежизнеспособную... Теперь вопросами ассортимента в министерстве занимается только... один-единственный инженер из Технического управления. А почему бы, например, министерству не иметь своего главного дессинатора? Разве не важное дело — проектировать новые ткани, в которые будет одеваться народ через год-два?!

Между тем даже крупнейший в стране Ташкентский текстильный комбинат имени Сталина не имеет в своем штате ни одного дессинатора. Не удивительно, что зефиры ташкентского комбината столь бедны по рисунку и расцветке. А ведь зефиры — ткань для мужских сорочек — можно выпускать с разнообразнейшими «просновками», рельефными полосками и т. д.

Поучительный случай произошел с тканью крепелин: она вырабатывается на Балтийской мануфактуре в Таллине и Кренгольмской мануфактуре в Нарве. С некоторых пор торгующие организации заметили, что покупатели все реже спрашивают крепелин. Выяснилось, что их не удовлетворяет структура ткани: «Почему такой плоский узор? Почему нельзя дать рельефное переплетение?» И никто не смог ответить на эти требования — ведь и на этих фабриках нет своих дессинаторов.

В постановлении партии и правительства о расширении производства промышленных товаров широкого потребления и улучшении их качества перечислены и меланжевые, и плательные, и пестротканные, и многие другие ткани. Все это — текстильные изделия самых разнообразных структур, переплетений. На сотни миллионов метров больше теперь надо дать их народу. И эту задачу, конечно, надо решать с помощью дессинаторов.

Однако прежде всего следует помочь самим дессинаторам, дать им возможность экспериментировать, наладить их совместную творческую работу с колористами, художниками, технологами. А главное — готовить смену старым опытным «кудесникам ткани».

Пусть же ярче, смелей заиграют узоры на нашем текстиле!

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

РЕЦЕНЗИЯ на...

Какой работающей женщине, придя домой, приятно возиться с обедом? Полуфабрикаты экономят время и законно пользуются большим спросом у покупателей. Замороженные «сибирские пельмени» через десять минут можно подать к столу.

Но хозяйки часто конфузятся, подавая это блюдо: на тарелке обычно лежит отдельно, словно грецкие орехи, фарш и отдельно — напоминающее толстую рваную лапшу тесто. Хозяйки, краснея, спешат объяснить, что это блюдо не собственного изготовления, а производства московского колбасного завода мясокомбината имени Микояна, и в подтверждение показывают коробку с этикеткой.

Настоящие домашние сибирские пельмени не развариваются, хотя их оболочки или, как говорят на Урале и в Сибири, «сочни», раза в два-три тоньше, чем у тех пельменей, что продаются в магазинах. Начинка их также вкуснее и острее.

В чем секрет?

Директор колбасного завода А. Степанов охотно объясняет:

— Настоящие сибирские пельмени — объедение. Оболочка их тоненькая, такая, знаете ли, просвечивающаяся. Ведь, когда много теста, вкус пельменей теряется. Все дело в том, чтобы комочек фарша сварился в тонкой оболочке и сок из него не вытек.

И, заметив, что его хотят перебить, тов. Степанов торопится закончить:

— Минуточку! Именно в том весь и вкус, чтобы сок из фарша не вытек. В фарш нужно класть обязательно свежий репчатый лук, черного перчику. Ни в коем случае нельзя делать пельмени из одинакового мяса, например, из говядины, — нужно добавлять свинины. Тогда фарш получается сочный, мягкий. Ну, уж я вам открою еще один кулинарный секрет. Мясо для пельменей лучше рубить в корыте, а не молоть мясорубкой. Молотое мясо совсем не то...

Александр Иванович явно увлекается. Видимо, он с удовольствием вспомнил вкус настоящих сибирских пельменей. Но на комбинате мясо, разумеется, не рубится, а мелется. И мы, пожалуй, не в претензии — ведь это тонкость. Мы спрашиваем о другом: почему рецепт приготовления сибирских пельменей не соблюдается?

Александр Иванович отмахивается:

— Ну разве можно?! Мы их выпускаем десятками тысяч. Какое, миллионы штук.— Заметив, что его слова произвели неблагоприятное впечатление, подумав, добавляет:

— Вот вы говорите, оболочка у пельменей толстая. А при чем тут мы — комбинат? Министерство утвердило нормы расхода муки и мяса. Мы должны на пельмени расходовать 40 процентов муки и 60 процентов мяса. Из этого расчета приготовляются тесто и фарш.

— Но ведь можно оставить то же количество фарша, но уменьшить количество муки?

— Тогда мука останется, а куда я ее дену? Я же отчитываюсь за каждый килограмм продуктов. Говорил я об этом в министерстве, да как-то не обратили внимания...

— А почему же фарш для пельменей приготовляется недостаточно острый?

— Свежего репчатого луку маловато бывает. Сушеный приходится класть, а это уже не то.

— И черного перца мало кладете?

— И черного перца мало кладем... Но не все ведь любят острое, не всем врачи разрешают.

— Но пельмени такое уж блюдо — рассчитано на любителя. А о нем-то вы и забыли. Вот, например, любителям совсем не нравятся развариващиеся толстые «сочни». Им нравятся такие, как вы говорите, — просвечивающие.

— Понимаете, яиц надо в тесто побольше класть. Вот пельмени «экстра» меньше развариваются. Но мы туда и не жалеем яиц.

Чтобы сгладить неприятное впечатление от разговора, нам показывают машину для изготовления пельменей.

Безусловно, машина хороша. Сама дозирует количество теста и фарша. Сама приготовляет оболочку, заполняет ее фаршем, защипывает. Вот если бы эта проворная машина смогла бы, нарушив все установленные нормы расхода муки и яиц, научиться сама изготовлять настоящие неразваривающиеся хорошие пельмени!

И. НОГИНА

ФЕЛЬЕТОН

Слушается дело о разводе...

В. СОКОЛОВ

Рушится одна из семей... Кого в буржуазном обществе заставит волноваться этот обыденный факт? Лишь бы было тихо, «по-порядочному» — все простит и покроет ханжеское общество форсайтов.

Рушится одна из семей... Сколько участия и тревог вызовет эта беспокойная весть у десятков различных, не знакомых между собой, советских людей! Против разлада в семье, против легкомысленных браков и разводов, приносящих горе прежде всего ни в чем не повинным детям, протестуют наша мораль и закон.

Бывает, что друзья, близкие оказываются бессильными помирить поссорившихся супругов. И тогда в борьбу за счастье детей и семьи вступает самый справедливый, самый участливый и самый строгий судья — народ. По его поручению, его именем решают суды дела о разводе.

Какой великой любовью к людям надо обладать, каким живым и глубоким интересом к судьбе человека, переживающего тяжелую жизненную драму, надо проникнуться, чтобы внимательно, тактично, объективно рассмотреть такое дело. Осторожно, бережно заглядывать в душу — этим большим человеческим талантом должен обладать каждый советский судья.

Опасность, подстерегающая судью на его почетном поприще,— это равнодушие. Если после разбора тысячи дел, внешне схожих между собой, к тысяча первому судья подходит с готовым трафаретом, значит появилось равнодушие.

Судья, в силу своей профессии, обязан точно исполнять требования закона — и это правильно, иначе бы возникла опасность в произвольном толковании и применении нашего законодательства. Но работать точно, пунктуально — это не значит вовсе работать формально.

Формализм и равнодушие недопустимы во всей судебной деятельности. Закон, определяя общий принцип решения вопросов, оставляет за судом и право и обязанность с позиций этого единого принципа разобраться в конкретных обстоятельствах дела и решать каждое из дел в согласии с его конкретными обстоятельствами. Стоит только гуманнейший принцип нашего закона о семье и браке, исходящего из укрепления семьи, воспринять как простой рецепт, механически применяемый во всех случаях жизни, — и окажется, что этим самым нарушается дух наших законов. Пленум Верховного суда СССР в одном из своих постановлений прямо указывает: суд может расторгнуть брак, если «придет к убеждению, что возбуждение дела о разводе вызвано глубоко продуманными и обоснованными мотивами и что дальнейшее сохранение брака будет противоречить принципам социалистической морали...»

Бывают случаи, пусть редкие, когда жизненные обстоятельства требуют решить, что развод необходим, общественно-целесообразен. И у суда должно хватить убежденности, самостоятельности и мужества принять такое решение. Да, необходим и целесообразен — ради семьи, ради наказания морально провинившейся стороны (а не тогда, когда развод ей на руку), ради справедливости по отношению к другому супругу и более всего — ради будущего детей. С учетом этого будущего суд призван решать и другой, не менее важный вопрос в делах о разводе,— с кем останутся дети?

Суд должен вдумчиво, неторопливо искать единственно правильное, со всех сторон обдуманное решение каждого такого не простого дела. Единственное, что запрещает суду закон,— быть формальным, равнодушным, бесстрастным в подходе к различным человеческим судьбам.

Но сколько у нас еще проявлений этого судебного формализма!

* * *

Иск о разводе тов. И. Данилов подал, как и следовало, по месту жительства — в один из народных судов Канска. В своем заявлении он прямо и откровенно писал о том, о чем писать не так уже приятно,— об измене жены. Неискушенный в юридических тонкостях, И. Данилов писал не столько о разводе, который он считал уже свершившимся фактом, сколько о необходимости обеспечить правильное воспитание дочери. Тем не менее народный суд Канска под председательством тов. Матуль вынужден был — согласно установленному порядку — испробовать путь «примирения сторон». И, отдадим должное народному суду, он выполнил свою миссию со всей объективностью, побеседовав с истцом и ответчицей, внимательно допросив свидетелей, выслушав мнение Гороно об отношении родителей к ребенку.

Мог ли суд настаивать на примирении, если все десять свидетелей в один голос говорили о крайне легкомысленном отношении Антониды Даниловой к своей семье, а в акте обследования отдела народного образования прямо было записано: «Гражданка Данилова безразлична к своей дочери, ведет непристойный образ жизни, позорящий ее, как мать...»

Народный суд пришел к единодушному заключению: примирение невозможно, да и нет в нем нужды, ибо «ответчица ведет развратный образ жизни». Многие жители Канска, собравшиеся в зале суда, сочувственно отнеслись к такому заключению.

Мораль наша не прощает разврата. Осуждая шкодливых отцов-беглецов, мы с неменьшим гневом осуждаем и женщин, забывших о своей чести, о материнском достоинстве. Однако, когда дело о разводе поступило для окончательного решения в Красноярский краевой суд, выездная коллегия краевого суда под председательством тов. Кокшарова, заседая в том же Канске, решила: «В иске Данилову Ивану Павловичу к Даниловой Антониде Демьяновне о расторжении брака и об отобрании ребенка отказать».

Почему? Может быть, краевая коллегия глубже подошла к делу, поговорила с руководителями организации, где служит Данилов, с друзьями Антониды, с работниками городских организаций, узнала от них что-то новое и важное? Нет, ни с кем предварительно не разговаривал и не советовался тов. Кокшаров. Тогда, может быть, ему неизвестна была общественная атмосфера первого разбирательства дела — в народном суде? Может быть, не знал он о заключении Гороно? Нет, и это все было ему известно.

Почему же все-таки — отказать?

Чем дольше мы беседуем с тов. Кокшаровым, тем яснее становится нам обоим: занимаясь этим делом неглубоко и без особой заинтересованности, суд не разобрался, кто такая Антонида Данилова. Не первый раз и не первый год Антонида Данилова своим поведением сознательно, умышленно бросает вызов нашей этике. Она попирает элементарные понятия о супружеском и материнском долге. И когда самим ходом нашей жизни эта женщина оказалась перед судом, она постаралась укрыться законом, оставив себе от семьи только материальные выгоды. Она отказалась дать согласие на развод с мужем. И коллегия Красноярского краевого суда во главе с тов. Кокшаровым не сумела разоблачить эту спекуляцию на законе. Хуже того: в академическом изложении коллегии лживая позиция Даниловой нежданно-негаданно получила своеобразные «юридические» подпорки. «Тот же мотив истца, что ответчица имела интимные связи с другими мужчинами, не является основанием для расторжения брака...» Так, черным по белому, записал Красноярский суд...

Оказывается, в данном случае для суда проще всего было «не развести». Ведь каждый случай развода надо веско обосновать, надо доказать, что в этих конкретных обстоятельствах иное решение, к сожалению, невозможно. Отказ же в разводе можно и не обосновывать, не доказывать,— во всяком случае, так утверждают формалисты.

Сколько еще формалистов — и в литературе, и в искусстве, в жизни: в судах, педагогике, общественных организациях пытаются свести все многообразие действительности, всю разноречивость характеров, судеб, человеческих отношений к гладкому и ровному, как служебный стол, суконному единомыслию!

Вот и красноярский судья тов. Кокшаров чистосердечно признался нам, что дело Даниловых он прежде всего хотел решить так, чтобы следующая судебная инстанция не отклонила его решение. Ведь в органах юстиции есть люди, которые судят о работе судьи лишь по статистическим данным — сколько решений отклонено, сколько принято.

И тов. Кокшаров, выходит, не ошибся, он уразумел (пользуясь его выражением) «дух судебной практики». Коллегия Верховного суда РСФСР, рассматривая под председательством тов. Сергеевой жалобу Данилова на формальное решение Красноярского суда, подтвердила это решение.

Но Антонида Данилова не стала дожидаться подтверждения Верховного суда, нужное ей решение и без того вступило в силу. Обеспечив свое материальное благополучие алиментами с неразведенного мужа, она, бросив в Канске пятилетнюю дочь, отправилась в далекий Норильск вдогонку за одним из своих очередных знакомых.

А бумата за семью судебными печатями и по сей день пытается нас уверить, что семья Даниловых существует... Но для укрепления семьи, для восстановления человеческих взаимоотношений бумага, как известно,— материал весьма непрочный.

* * *

В советском обществе любое судебное решение имеет и воспитательную функцию. И ошибочные, формальные решения тоже, к сожалению, по-своему «воспитывают».

Когда кончилось выездное заседание Красноярского краевого суда по делу Даниловых, одна из подруг Антониды, некая Волкова, выходя из зала суда, так обобщила свои впечатления:

— Я же говорила: не захочет Тоня дать развод — не разведут.

Совсем недавно Канский суд вынужден был заняться делом подруги Антониды — делом Волковых. История повторилась: жене надоела честная семейная жизнь, и она вышла на неверную дорожку легких похождений. На этот раз краевой суд расторгнул брак, и Волкова с легкой душой ушла из семьи, оставив на руках мужа двух малолетних дочерей. Целый год отец любовно выхаживал девочек. А через год, вдоволь нагулявшись, Волкова решила вернуть... Детей?.. Нет, алименты!

Суд потребовал заключения авторитетной комиссии и, в частности, депутата краевого Совета, заслуженной учительницы РСФСР тов. Сунгуровой. Нужно было решить, где будет детям лучше: у отца или у такой матери? Тов. Сунгурова вместе с другими членами комиссии Гороно изучала семью Волковых и пришла к выводу, что отец лучше матери воспитывал, сумеет и впредь воспитывать своих дочерей. Но Красноярский суд решил иначе. Фактически он лишил отца отцовства. Почему? «В интересах ребенка...»

В этом случае странно и дико звучит такая священная заповедь!

Да, есть в нашем законодательстве гуманнейшая из формул — после развода вопрос о праве того или другого из родителей на воспитание детей нужно решать «в интересах ребенка». Закон, разумеется, не уточняет, как широко следует понимать интересы ребенка,—это само собой очевидно. Было бы превеликим ханжеством предполагать, что на все случаи жизни закон дает готовые рецепты.

К сожалению, некоторые работники юстиции — и не только на первой стадии судебного разбирательства — стремятся упростить свои высокие обязанности именно таким, механическим толкованием и «рецептурным» применением закона.

Чаще всего — и это правильно — суд возлагает на матерей воспитание ребенка. И вот очередной случай — легче всего решить его так, как решали много раз в подобных случаях, не задумываясь о том, что перед судом проходят разные люди.

То же самое и с разводом. В законе сказано: единственное основание для расторжения брака — распад семьи и невозможность ее восстановления. Как же решить, есть ли в данном случае это основание, не вникнув в самую суть жизненного случая, не разобравшись в людях, в непростом семейном конфликте? Легче всего: «отказать в разводе».

Для формалиста и ханжи всегда и без исключения все ясно, как дважды два. Семейный конфликт? Ерунда. Несчастье, как и счастье, в представлении ханжи — это несложная сумма нескольких прописных истин. Поэтому и суд, народный суд, куда люди приходят решать самые запутанные обстоятельства семейного конфликта, такой формалист толкает на накатанные шаблоны «судебной практики». «Жена не даст развода — не разведут», «Мать на детей больше прав имеет»...

Хорошо, когда эти истины поддерживают женщину в ее борьбе за чистоту и крепость семейных отношений, за воспитание подрастающего поколения. Плохо, когда ими пользуются морально нечистоплотные люди с их эгоистическими, корыстолюбивыми расчетами. Чтобы расчету этому никогда не суждено было осуществиться, практика наших судов изо дня в день, во всем многообразии жизненных случаев должна итти рука об руку с нашей моралью, которая, как добрый друг,— при всей своей строгости и определенности,— находит для жизни столько исцеляющих советов, сколько звезд на небе.

КАНСК — КРАСНОЯРСК

НОВЫЕ КИНОФИЛЬМЫ

День Алеши Птицына

Перед сеансом шумно звенят ребячьи голоса. Медленно гаснет свет, и так же медленно замирает шум, а когда на экране идет первый титр «Алеша Птицын...», то уже совсем тихо.

Спящий в кровати мальчик. На ученической тетради в косую линейку — ученическим почерком: «...вырабатывает хорактер». В зале недоуменный смех. Но тотчас зачеркивается «о», ошибка исправляется. Теперь смех веселый. Живая деталь ребятам понравилась, фильм обещает быть интересным. Во-первых, герои — такие же школьники, как и они, а во-вторых, — и это самое главное! — кто же из сидящих здесь не хочет выработать в себе настоящий, волевой характер!

Алешу Птицына играет школьник Витя Каргопольцев. Алеша — толстый, веселый мальчик — хочет стать мастером спорта, хочет выработать самодисциплину, хочет умело распределить свое время, чтоб ни одна минута не была прожита попусту.

Вот утро Алеши. «Пробуждение» в семь часов, гимнастика, уборка постели, завтрак. Все интересно, живо. Кто не знает, как трудно «пробуждаться» рано утром, как утомительна гимнастика, пока она не сделалась ежедневной необходимостью! Здесь есть над чем призадуматься тому, кто «вырабатывает характер». И опытная детская писательница А. Барто — автор сценария, и молодой режиссер А. Граник нашли привлекательные, жизненно верные краски.

Но ведь не только нужно убирать постель и регулярно заниматься гимнастикой. Нужно еще и учиться жить по точному распорядку. А это очень, очень сложно...

Таково искреннее желание мальчугана, но как много искушений у него, как часто неожиданные стечения обстоятельств мешают Алеше жить по расписанию, быть дисциплинированным. Эти обстоятельства—столкновение с Генкой «из красного дома», который отобрал у Алеши ушанку, нечаянная встреча со старой бабушкиной подругой — и составляют сюжет картины. Искренние радости и огорчения маленького героя, хорошая атмосфера нашей жизни рождают ответное чувство зрителей, завладевают их вниманием.

Но не слишком ли нарочито порой нагнетаются события, не слишком ли много чисто внешних приемов мобилизует автор сценария А. Барто, стремясь помочь Алеше «выработать» характер? Задержка Алеши перед обедом подается как напряженное драматическое событие. Алеша, боясь просрочить время прогулки, мчится бегом, бабушка гонится за ним на такси, и распорядок дня превращается в самоцель.

Кадр из кинофильма «Алеша Птицын вырабатывает характер»

Нам кажется, что напрасно простые, естественные факты жизни часто заслоняет усложненное, искусственное нагромождение событий и недоразумений, придающих сценарию разорванность, суматошность.

Следует упрекнуть сценариста и режиссера и в другом. Почему авторы детских фильмов столь часто прибегают к идиллизации быта своих героев? Во многих наших фильмах мы видим роскошные обширные квартиры, обставленные с максимальным комфортом и удобствами. Не думаем, что такая идиллизация «украшает» фильм. И еще: почему стало едва ли не правилом лепить в детских фильмах фигуры взрослых по единому, стандартному образцу? Это — резонерствующий, наставляющий тип взрослого «вообще», лишь наделенный внешним обликом папы, мамы, учителя. Этим же недостатком страдает и сценарий А. Барто. Артистам Ю. Бубликову, Т. Алешиной, А. Михайлову, Р. Макагоновой, Л. Сухаревской фактически не дано действия, им нечего играть. Безликие образы взрослых героев лишь усиливают дидактичность фильма. Несколько больше материала у В. Спирантовой, исполняющей роль бабушки Симы. По фильму она — работник Союзпечати, и поэтому останавливается у каждого киоска проверить ассортимент имеющихся книг. Но такая неглубокая и чисто внешняя, играющая «на зрителя» деталь еще не делает образа. О. Пыжовой (бабушке Оле) также предоставлено не очень-то много возможностей, но актриса сумела завоевать детские сердца правдой, человечностью исполнения.

Хороши в фильме живые, наполненные юмором сценки, которых немало. Это—сцены в школе, все эпизоды с Генкой, это—маленькая, умело введенная в сюжет, шуточная сценка няни с крохотным Мишенькой, это—эпизоды в метро, сцена прощания. Такие эпизоды, талантливая режиссерская работа с маленькими актерами говорят о несомненных способностях дебютанта-постановщика А. Граника. Перед ним стояла нелегкая задача: сделать картину на будничном материале, картину об одном обычном дне школьника. В ней есть серьезные неудачи, но в целом фильм «Алеша Птицын вырабатывает характер» подкупает непосредственностью, свежестью.

О. СТУКАЛОВ, А. ЧЕРЕНЦОВ

„Застава в горах"

На экраны страны вышел цветной художественный фильм «Застава в горах», повествующий о том, как наши славные пограничники охраняют священные рубежи Советской державы. Фильм этот, полный увлекательных примеров мужества, стойкости, находчивости и отваги, принадлежит к жанру приключенческих кинокартин, которые, к сожалению, все еще редкие гости на нашем экране.

Создателям фильма — авторам сценария М. Вольпину и Н. Эрдману, постановщику К. Юдину и всему творческому коллективу удалось передать и романтику боевой жизни пограничников и будничный быт далекой заставы в горах. Мы видим их на учебе и в часы отдыха и при исполнении почетных обязанностей по охране государственных границ. А за пограничной рекой полковник Бриджер, руководитель группы матерых диверсантов, околачивающихся в сопредельном государстве под видом археологической экспедиции, подготавливает шпионов и диверсантов для переброски на советскую территорию.

В кадрах фильма, где действие достигает наибольшего напряжения, удачно переданы патриотические чувства простых советских людей, их мужество, стойкость. Три замаскированных пограничника встречают нарушителей границы метким огнем. Следя за смелыми, обдуманными поступками защитников советской земли, зритель ощущает все величие их подвига, нравственное превосходство советского солдата над врагом. Вся застава на конях спешит на помощь товарищам, мужественно выполняющим свой долг, и после короткого, хорошо показанного конного боя разбивает банду и берет в плен ее главарей.

Кадр из кинофильма «Застава в горах»

Большую помощь пограничникам оказывают председатель колхоза Гафаров и местные жители. Так оно и бывает в жизни. Сила пограничных войск—в их связи с народом, с советскими патриотами, жителями пограничных районов. Учительница Вера Александровна (арт. М. Кузнецова), не колеблясь, вступает в борьбу с сильным бандитом. Диверсанты, несмотря на всю их изощренную хитрость и коварство, в конце концов, оказываются пойманными. Все это правдивые жизненные ситуации, пограничные будни, которые до сих пор, к сожалению, мало отображены в литературе, театре, кино. А какой благодарный материал для кино представили события в жизни далекого пограничного района: переходит границу нежданный «нарушитель»—тигр, сотрясает горы землетрясение, зоркое внимание пограничников к природе помогает обнаружить следы врага.

И все же богатейшие возможности жанра не использованы в фильме до конца. В некоторых своих эпизодах, вплоть до истории коня Орлика, «Застава в горах» является либо повторением, либо вариантом аналогичных эпизодов, уже знакомых нам по картине «Смелые люди». В фильме есть лишние, не запоминающиеся сцены, которые только замедляют развитие действия, мешают цельности восприятия. Малоправдоподобна сцена массового перехода нашей границы шайкой Исмаил-бека.

Лучшие образцы приключенческой литературы, приключенческих фильмов, свидетельствуют, что главное в них не нагромождение событий, сражений, катастроф, а то, как под напором испытаний крепчает воля человека, созревает и складывается его характер, проявляются в борьбе ум и воля.

К сожалению, в фильме «Застава в горах» люди схематичны. Они смело действуют, но их мысли, чувства проявляются однообразно, неубедительно. Многих героев фильма мы чаще отличаем друг от друга по должности и воинскому званию, чем по складу ума и характера. Жаль также, что бойцы и командиры-пограничники слишком уж злоупотребляют уставными оборотами речи, — это обедняет не только их язык, но и душевный мир.

Исключение составляет тонко вычерченный артисткой Е. Шатровой образ Полины Антоновны — матери начальника заставы Прохорова. Она добра, проста, сердечна — она всем мать, и это помогает создать впечатление единой дружной семьи, а такой семьей, в сущности, и является застава.

Не только служебные, но и дружеские и сердечные связи бойцов и командиров рождают тот умело переданный в фильме дух строгой дисциплины и товарищеской спайки, которым живет застава. Охрана государственной границы осуществляется в сложной, быстро изменяющейся обстановке. Это обязывает командиров организовывать работу подчиненных так, чтобы всегда чувствовать «пульс» границы, быть в курсе всего, что происходит вокруг. И хотя артист В. Давыдов в роли помощника командира заставы Лунина не сумел преодолеть схематизм роли, общая атмосфера пограничной жизни передана убедительно.

...Рядом с нами в зрительном зале сидел юноша. В самом напряженном эпизоде фильма, когда Лунин с отрядом мчится на помощь отбивающимся от банды солдатам, юноша сказал товарищу:

— Скоро и мне итти в армию... Попрошусь в пограничники.

В нашем дворе я уже видел группу детей, играющих в «заставу».

Это живое свидетельство того, что фильм «Застава в горах» сыграет полезную роль в формировании характера молодых зрителей.

С. БОРЗЕНКО

Николай ГРИБАЧЕВ

Университет

И вот еще один закончен
Нелегкий и немалый труд,
И камень к небу приохочен,
И к главной башне тучи льнут,

И над Москвой порой осенней,
Морозной пылью побелен,
Он провожает луч последний,
И первый луч встречает он.

Пускай меж нас не будет тайной
Печаль особенная та,
Что нашей юности недальней
Уже заказан путь сюда,

И пусть не станет нам укором,
Что мы гордимся меж собой
Его размахом непокорным,
Как нашей собственной судьбой.

В нем нашей волей совместилась
И стала видного видней
Даль, что когда-то нам лишь снилась,
С действительностью наших дней,

И с той надеждой, что, готовый
Служить стране своей родной,
Отсюда выйдет Пушкин новый
И Менделеев молодой.

И пусть народ, что сам по праву
Чтит лучших сыновей своих,
И наших дней причислит славу
К неоспоримой славе их!

Книги для детей

Варковицкая Л. Сказано-сделано. Повесть. Для младшего и среднего возраста. Иллюстрации Н. Петровой. Лениздат. 112 стр. Цена 3 руб. 65 коп.

Волшебные сказки. Иллюстрации А. Торопина. Рига. Латвийское государственное издательство. 220 стр. Цена 12 руб. 10 коп.

Гулиа Г. В стране Шкиперии. Для среднего и старшего возраста. Иллюстрации В. Ладягина. Детгиз. 128 стр. Цена 3 руб. 60 коп.

Дик И. В нашем классе. Повесть. Для младшего и среднего возраста. Рисунки К. Кащеева. Детгиз. 136 стр. Цена 3 руб. 55 коп.

Езерский М. Аристоник. Историческая повесть. 2-е, переработанное издание. Детгиз. 168 стр. Цена 4 руб. 15 коп.

Звездочка. Стихи, рассказы, сказки. Для младшего возраста. Детгиз. 60 стр. Цена 2 руб. 30 коп.

Зельцер С. Нина Полозова. Повесть. Для среднего и старшего возраста. Рисунки Н. Петровой. Детгиз. 256 стр. Цена 5 руб.

СЛОВО И ОБРАЗ

Вл. БАСКАКОВ

«Язык сатиры Салтыкова-Щедрина»* — уже само название этой книги не может не привлечь внимания читателя.

Автор хорошо владеет материалом. Он проделал большую исследовательскую работу, внимательно изучил те пласты русской речи, на которые опирается сатирик, проследил особенности лексики и фразеологии писателя. Книга дает пищу для раздумий, помогает многое понять в природе щедринского языка.

Убедительно раскрыта в книге борьба, которую вел Щедрин против терминологии враждебной, реакционной публицистики. Великий сатирик разоблачал попытку реакционеров приспособить на свой лад, чудовищно извратить значение многих простых и ясных слов, изобрести свой особый толковый словарь. Вместе с тем Щедрин боролся против «шумихи пустопорожних фраз» либеральной прессы, против словоблудия и краснобайства буржуазных публицистов.

Щедрин считал, что слово должно отличаться идейной ясностью и целеустремленностью. Он едко высмеивал трусливо-угодническую синонимику, к которой прибегают все те, кто действует «применительно к подлости». Один из персонажей «Убежища Монрепо» советует заменять слова «свобода» и «филантропия» следующим образом: «А ежели бы вы в то время вместо «свободы»-то просто сказали: «Улучшение, мол, быта», — и дело бы понятное, да и вы бы на замечание не попали. Мудрый, доложу вам, даже от слова «филантропия» воздержится, а просто скажет: «благое, с дозволения начальства, поспешение» — и кончен бал!».

Разоблачая словарь охранительной и либеральной прессы, Щедрин умел раскрыть истинную сущность тех, кто пользуется этим словарем. Это люди, для которых слова «отечество» и «начальство» — синонимы, донос — это лишь «выражение общественной самопомощи», а хищник-фабрикант — «исправный сын отечества».

В книге А. Ефимова есть много интересных наблюдений над речевыми средствами сатиры Щедрина. Автор отмечает, например, что для сатирика «золотоносной жилой» оказались канцеляризмы. Сочетая их с элементами других стилей, Щедрин добивался сатирического эффекта. Он мастерски пародировал официальный стиль статистических отчетов, докладных записок, доносов, судейских дел, допросов и прочих образцов бюрократического красноречия.

А. Ефимов в основном верно анализирует языковые особенности сатирических произведений Щедрина. И все-таки, когда дочитываешь эту книгу до конца, чувствуешь, что в ней многого не хватает. Можно было ожидать, что автор покажет не только, какие языковые средства и приемы были в арсенале сатирика, но и почему писатель в данном случае пользуется именно этими средствами и приемами, а в другом случае — иными, раскроет, как Щедрин, используя различные языковые средства, лепит художественный образ. Однако само построение книги — последовательное изложение лексики и фразеологии писателя — не давало возможности проследить, зачем здесь сатирик прибегает к пародии, тут вводит новое слово, там видоизменяет устойчивое словосочетание или же вплетает в ткань своего повествования цитату из Пушкина или Гоголя.

Язык сатиры Щедрина — гибкий, емкий, своеобразный — очень трудно классифицировать. Одни и те же, с точки зрения грамматики, средства играют в разных произведениях разную роль. Даже новые слова, которые нередко вводил Щедрин, он использует в различных контекстах неодинаково.

В главе «Книжно-беллетристическая лексика и ее роль в словотворчестве сатирика» А. Ефимов указывает способы словообразования у писателя — «создание новых слов с помощью производительных аффиксов», «переводы в слова фразеологических сращений», «обновление значения старых слов», «заимствование». В главе дана подробная классификация неологизмов сатирика. Есть специальные разделы: образования с суффиксом — ость, с суффиксом — ство, с суффиксом — ние, с суффиксом — тель и т. д.

В разделе «Образование с суффиксом — ство» мы находим среди других примеров два щедринских словечка — «молчалинство» и «клоповодство».

Первое слово взято из сатирической хроники «В среде умеренности и аккуратности». Переосмысленный образ Молчалина помогал сатирику разоблачать философию «умеренности и аккуратности», духовное бессилие буржуазно-дворянской интеллигенции, пресмыкавшейся перед реакцией. Рядом с образом Молчалина-чиновника он создает образ Молчалина-литератора, редактора газеты «Чего изволите?» Сатирик подчеркивает, что молчалиными кишит буржуазно-дворянский мир. И, наконец, Щедрин создает целое понятие — «молчалинство», «литературное молчалинство». Этот неологизм писателя — плод глубокого обобщения явлений действительности.

Другое словечко — «клоповодство» из «Помпадуров и помпадурш». Сатирик создает здесь образ помпадура-зиждителя Сережи Быстрицына. Быстрицын едет в Паскудск губернатором, и у него в голове зреют планы преобразить «вверенный ему край». Он не будет заниматься «внутренней политикой», он начнет культивировать «скотоводство, птицеводство, пчеловодство».

И здесь возникает смешное словечко «клоповодство». Щедрин не случайно употребил этот шутливый неологизм, созданный по аналогии со словом «скотоводство». Он подчеркнул этим, что любые попытки царских реформаторов преобразить «вверенный им край» могут принести народу не больше пользы, чем разведение клопов.

Таким образом, два слова, которые помещены А. Ефимовым в главку «Новообразования на — ство», играют разную роль в создании образа. Первое — глубоко обобщенное понятие, имеющее широкий смысл, второе — слово, необходимое лишь в определенном контексте, не претендующее на самостоятельную жизнь. И все же два разных по своим функциям слова А. Ефимов включает в одну клеточку своей классификации. В этой же главе автор дает обширный список самых обыкновенных книжных слов, которые употребляет сатирик: будущность, звучность, распущенность, человечность и т. д.

Работа А. Ефимова написана на современную боевую тему. Но связь языка с образным мышлением писателя осталась в книге недостаточно раскрытой, несмотря на ряд обращений к этому вопросу. Может быть, автор считал, что это и не обязательно для книги о языке писателя? Нет, он сам написал в выводах, помещенных в конце книги, что «задача исследователя языка писателя — изучить слово в его функции».

Книга «Язык сатиры Салтыкова-Щедрина» представляет серьезный интерес для специалистов-языковедов. Но мы здесь не говорим подробно о лингвистическом материале книги. Нас интересует в данном случае прежде всего сам характер этой (да и не только этой!) работы о языке писателя.

Автор располагает огромным материалом. Хочется надеяться, что он сделает новый шаг вперед и напишет такую книгу, которая будет с интересом и пользой прочитана не только лингвистами, но каждым, кто любит и ценит живое, смелое, гневное слово сатиры.

* А. И. Ефимов. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. Издательство Московского университета. 1953. 495 стр.

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

О работе творческих секций

Ст. ЗЛОБИН

Недавно закончившийся XIV пленум правления ССП, хотя в основном и был посвящен вопросам драматургии, но, естественно, поднял принципиальные вопросы, касающиеся всей советской литературы.

После XIV пленума яснее стали задачи, стоящие перед нашей литературой, помогающей партии в борьбе против пережитков капитализма в сознании людей, за коммунистическую мораль, за нового человека.

Эти задачи могут быть действенно решены только при теснейшем сплочении писательских сил, при широком творческом общении, когда старшие, более опытные, более сильные литераторы искренне и доброжелательно сближаются с более молодыми, менее опытными, силою своего таланта и мастерства, живым примером и взаимною критикой помогая росту друг друга, т. е. содействуя росту всего большого творческого коллектива.

Одной из форм такого творческого общения в рамках Союза советских писателей являются творческие секции, возникшие после первого Всесоюзного съезда советских писателей. В течение ряда лет секции оставались важной формой общественной творческой жизни писателей, но до сих пор еще не превратились в подлинный центр литературной общественной жизни.

В 1951 году в «Литературной газете», в статьях В. Ковалевского и А. Фадеева было высоко оценено значение творческих секций, как творческой организации, призванной объединять писателей для совместной работы. На общем собрании московских писателей после этого было принято «Положение о творческих секциях ССП».

«Творческие секции являются важнейшей общественной формой творческой работы в Союзе советских писателей СССР»; «Общественной обязанностью каждого литератора, члена или кандидата ССП является — состоять членом одной из секций или нескольких секций по своему выбору и активно работать в них»; «Свою работу секции проводят под руководством секретариата ССП»,— записано в этом «Положении».

Наиболее крупная секция — секция московских прозаиков — с тех пор провела обсуждение десятков напечатанных книг и рукописей.

Нельзя не вспомнить три вечера, посвященные обсуждению книги В. Померанцева «Дочь букиниста», два вечера, посвященные книге Е. Пермитина «Горные орлы», живо и интересно проходившие обсуждения книг Н. Вирты «Вечерний звон», П. Бляхина «На рассвете», А. Авдеенко «Труд», А. Письменного «Приговор», С. Маркова «Юконский ворон».

Интересные споры вызвали журнальный вариант повести Э. Казакевича «Сердце друга», романы К. Симонова «Товарищи по оружию», Ю. Либединского «Зарево».

Многие авторы отмечали, что критические замечания принесли им существенную пользу, помогли наметить пути доработки своих книг.

Были в работе секции и ошибки. Так, при обсуждении романа В. Гроссмана «За правое дело» в поспешности и увлечении были допущены однобокость, захваливание, которые могли лишь сбить автора с толку.

Обсуждались и еще не напечатанные произведения. Как особенно живой, дружеский и вместе с тем критический, следует отметить разговор о романе П. Кузнецова «Джамбул» — первом томе капитального произведения о знаменитом казахском акыне. Было обсуждено также несколько книг и рукописей молодых авторов, не членов ССП.

На собрания бюро секции прозы с активом, посвященные творческим вопросам, собиралось еженедельно по 40—50 человек. Это доказывает, что в писательской среде существуют активная тяга и живой интерес к собраниям такого рода. Бюро предпринимало и личные собеседования с членами секции, знакомясь с условиями работы и творческими затруднениями отдельных товарищей, и по следам этих собеседований содействовало более быстрому прохождению некоторых рукописей в редакциях, получению творческих командировок, путевок в дома творчества и т. п.

Творческие секции показали себя важным звеном в Союзе советских писателей, которое дает возможность коллективу поддерживать повседневную и непосредственную связь с каждым писателем, с его творческой жизнью.

Есть зерно истины в утверждении насчет того, что московские творческие секции работают вразнобой, редко ставят общие принципиальные вопросы, не всегда проводят то, что намечается в планах.

В значительной мере это определяется отсутствием руководства со стороны секретариата ССП. Если секретариат интересовался планами московских секций, то только через своих аппаратных работников, и «руководство» сводилось главным образом к календарному согласованию этих планов, необходимому вследствие нехватки клубных помещений. Творческий же состав секретариата совсем не был связан с жизнью творческих секций.

Секретариат ССП за полтора года только один раз удосужился заслушать доклад секции московских прозаиков; только один раз поинтересовался он секцией очерка. Не лучше обстояло дело и с другими секциями.

Что касается обязанности каждого писателя активно участвовать в работе одной из секций, то этот пункт «Положения» не был проведен в жизнь. Держаться в стороне от общественности среди некоторой части наших именитых писателей считается почему-то «хорошим тоном». Так, например, В. Гроссман, М. Бубеннов, В. Катаев даже не присутствовали на обсуждении своих произведений в творческой секции московских прозаиков. Прозаики — члены секретариата ССП тт. Леонов, Панферов, Федин, Кожевников ни разу не участвовали в собраниях секции прозы. Только К. Симонов присутствовал — и то лишь на обсуждении своего романа.

Бюро секции прозы неоднократно сигнализировало, что подобное отношение к работе творческих секций — неправильно. Секретариат и президиум ССП не обратили никакого внимания на эти сигналы.

Почему-то считается неприличным и упрекать в этом секретариат, который занят, мол, всесоюзными литературными делами. Как ему заметить такую «мелочь», что творческая жизнь московской организации писателей не «бьет ключом»?

Почему же все-таки ряд видных писателей не желает принимать участия в работе творческих секций? Означает ли это, что квалифицированным, известным советским писателям чужд коллективизм, что им присущи творческая замкнутость, индивидуализм, нежелание услышать мнение товарищей?

Нет, этого нельзя сказать. Не так далеко то время, когда для этой части писателей практиковалось обсуждение их произведений на заседаниях секретариата или президиума в узком кругу. Такие обсуждения вызывали естественное раздражение широкого коллектива писателей. Теперь они прекратились, но и после этого отношение многих видных писателей к творческим секциям не изменилось. Они не пришли к товарищам в секцию, а стали обсуждать свои произведения под кровлями редакций журналов, куда на обсуждения приглашаются только избранные. А разве не интересно широкой писательской общественности обсуждение новой книги Л. Леонова или Ф. Панферова?!

Бывают случаи, когда писатели, книги которых обсуждаются по инициативе секций, пренебрегают товарищеской критикой. Так, например, по роману Н. Вирты «Вечерний звон» на собрании секции прозы было высказано множество деловых и бесспорных замечаний. Обсуждение велось по верстке нового издания. На вечере присутствовали представители издательства «Молодая гвардия». Автор книги признал, что критика ему помогла, на словах поблагодарил за внимание, а наутро... подписал верстку в печать, не изменив ни одной страницы!

В уже упоминавшемся «Положении» о секциях сказано, что «творческие секции работают в тесном повседневном контакте с комиссиями ССП».

Но комиссии вслед за секретариатом, так же занимаясь «высокими» материями и делами всесоюзного масштаба, далеко не всегда находят время, возможность и желание работать совместно с секциями. Так, руководство комиссии по критике четыре раза не находило времени встретиться с бюро секции прозы по вопросу о совместном собрании московских критиков и прозаиков.

Отрицательно сказывается на жизни и деятельности творческих секций бюрократическая аппаратная неразбериха и волокита, царящие в правлении ССП. Секция московских прозаиков, например, проведя совещание на тему «Писатель, критик и редактор», поставила перед секретариатом вопрос о недопустимости анонимного и скрытого от автора рецензирования его произведений в издательстве «Советский писатель». Этот вопрос свыше года мариновался в аппарате, были утеряны все документы, и только через год с лишним, настойчиво поставленный вторично, получил свое разрешение.

Ежегодные планы изданий не обсуждаются широко писательской общественностью. Когда секция московских прозаиков обратилась в издательство «Советский писатель» с просьбой сообщить о планах издательства на будущий год, главный редактор тов. Лесючевский ответил было согласием, но тов. А. Сурков нашел это обсуждение излишним, так как планы, дескать, утверждаются секретариатом.

План издательства действительно обсуждался на секретариате. Но разве не помогло бы лучше провести это обсуждение предварительное ознакомление с ним в секции прозы?

Интересно, что не подчиненное ССП издательство «Молодая гвардия» сочло целесообразным встретиться с писательской общественностью и согласилось провести обсуждение своих планов в секции московских прозаиков.

Право на решение вопросов, естественно, должно принадлежать издательствам, но общественная критика этих планов была бы нормальным мероприятием. Ведь обсуждаются же планы предприятия на широких производственных совещаниях?

Большую и регулярную помощь в работе творческой секции прозы за последние полтора года оказывала писательская партийная организация. Бюро секции постоянно ощущало активную помощь партийной организации своей секции, как активизирующего и направляющего начала. Однако важное преимущество писательских партийных организаций заключается в том, что, будучи разделены по творческим секциям, они в то же время объединяются единым общемосковским партийным комитетом. Сами же творческие секции остаются разобщенными.

Пренебрежение к работе творческих секций со стороны секретариата ССП влечет за собой «отраженное» пренебрежение со стороны редакций литературно-художественных журналов и издательств.

Бюро секции прозы не раз предлагало ставить на обсуждение в секциях рукописи, прохождение которых затруднено многочисленным рецензированием и вызывает споры. На словах редакторы (издательство «Советский писатель», журнал «Знамя») признавали целесообразность такого сотрудничества. На деле же ни разу не проявили воли к такому сближению.

Даже тогда, когда состоялось решение секретариата ССП о совместном обсуждении книги В. Гроссмана, редакция «Нового мира» уклонилась от этого, даже не сообщив секции прозаиков о назначенном в редакции обсуждении...

Писателями отмечен ряд случаев некомпетентного рецензирования рукописей в редакциях («Советский писатель») особым типом рецензентов-«универсалов», мастеров на все руки, почему-то особенно симпатичных редакциям; отмечено также слишком долгое прохождение рукописей через редакции, перестраховочная многократность рецензирования книг, уже упоминавшиеся анонимные рецензии и т. п. и т. д. Но при первой же попытке секции прозы бороться с этими недостатками редакционные работники заявляют, что творческие секции — это «групповщина» и их вообще надо упразднить, а вместо них объединить писателей... вокруг редакций.

Такая «реорганизация», несомненно, отбросила бы нас в давно прошедшие времена, назад, к кружковщине. В последнее время вопрос о работе творческих секций привлек внимание руководства ССП, предварительно выдвигаются организационные вариации и предположения. Как одна из таких «вариаций», фигурирует укрупнение секций, слияние секций прозаиков, очеркистов и чуть ли не переводчиков. На деле эта «вариация» означала бы, что такой громоздкой организацией, в которую входят 500 писателей, творчески руководить было бы невозможно.

То, что секретариат ССП не справился до сих пор со сложной задачей руководства творческими секциями московских писателей, не должно привести к ликвидации секций или превращению их в необязательные клубные кружки. Это было бы не партийным решением вопроса, а попыткой бегства перед непреодоленной трудностью. Путь же преодоления ведет к поискам правильной организационной формы руководства, к повседневной координации и усилению творческой работы секций. Может быть, следует создать совет творческих секций, состоящий из их президиумов, или бюро творческих секций, которые находились бы под действительным, ответственным руководством секретариата.

Творческие секции — это важный участок творческой работы Союза советских писателей. Он требует самого серьезного и пристального внимания, и руководство им нельзя никому передоверять. Нам кажется необходимым, чтобы творческими секциями руководил один из секретарей Союза советских писателей.

НЕОБХОДИМАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

— А здесь, как вы видите, господа, солдат западногерманской федеральной республики будет носить в ранце портативный березовый крест!..

Рисунок из немецкого журнала «Фришер винд»

◇ ◇

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

«Телеграф» дает советы...

У западноберлинской газеты «Телеграф» — «репутация» вполне сложившаяся: это «Телеграф» напечатал в свое время статью о «Подготовке ко дню икс»; это «Телеграф» всячески рекламировал американскую пропагандистски-провокационную кампанию «продовольственной помощи»; это «Телеграф» изо дня в день печатает клеветнические измышления о жизни в демократическом секторе Берлина...

Понятно, что на страницах этой газеты не приходится искать правдивой информации о бедствиях трудящихся Западного Берлина, о безработице, о нужде. Но правда иногда прорывается в ее материалах самым неожиданным образом. Чтобы привлечь читателей, газета под рубрикой «Госпожа Рената отвечает» печатает письма читателей и дает советы по вопросам семейной жизни, воспитанию и любви, стараясь выглядеть этакой респектабельной старой дамой, которая говорит тоном душевным и участливым...

Но иной раз в этой переписке, от которой на версту разит мещанской страстью к сплетням, прозвучит вдруг вопрос, продиктованный настоящим горем. Жительница Западного Берлина, подписавшаяся М. К., обращается в газету: «У нас четверо детей в возрасте от 5 до 15 лет. Мой муж долго был безработным. Нам теперь приходится с трудом перебиваться. Старшие дети понимают это, а младший нет. Он 15 месяцев лежал в гипсе; у него был туберкулез мозга, костный и легочный туберкулез; левая сторона была парализована... С июля он опять может ходить и мучает меня, чтобы ему купили самокат и качели. Мы не можем их купить ему...»

«Госпожа Рената» в номере от 25 октября откликается: «Ответ могут дать только мои читатели. Пожалуйста, посмотрите у себя дома: нельзя ли помочь малышу, которому снова подарена жизнь? И так как речь зашла о великих желаниях, — нет ли у когонибудь старой керосиновой лампы? У одной старушки она сломалась и у нее нет денег, чтобы купить новую».

Так во второстепенном отделе газеты в вопросе читателя и ответе редакции вдруг проглядывает то, о чем старательно умалчивают все остальные полосы «Телеграфа»: безработица, детский туберкулез, замученная мать, нищая, одинокая старость в доме, где керосиновая лампа — недоступная роскошь, унизительная частная благотворительность и оскорбительное «участие» газеты, которая помещает над этим письмом издевательский заголовок: «Великое желание».

И еще раз в том же самом номере от 25 октября пробалтывается «Телеграф». Пожурив за легкомыслие молодую машинистку, которая мечтает стать актрисой, «Госпожа Рената» пишет: «...у нас в Берлине (речь идет, разумеется, о Западном Берлине. — С. Л.) — тысячи безработных актеров, среди которых бессчетное число действительно одаренных людей».

28 октября «Телеграф» печатает письмо 17-летней школьницы, которая рисует безысходную картину своего существования: отец, в прошлом банковский служащий, теперь безработный без всяких шансов на получение работы в будущем, срывает свое отчаяние на жене и детях. Дома, где побои, слезы и нужда, где мать и братья, запуганные отцом, заниматься невозможно. «Я больше не могу выдержать этого», — заканчивает школьница свое письмо.

«Госпожа Рената» из «Телеграфа» ставит над этим письмом игривый заголовок «Нетерпеливый жеребенок» и начинает поучать и утешать измучившуюся девушку: «...Ваш отец несчастный и, наверное, больной человек: безработица может подточить человека изнутри... Молчите дома, а заниматься ходите в одну из многих читален — в «Дом Америки»...

Есть, оказывается, еще средство в Западном Берлине, чтобы помочь дочери безработного, которая не может продолжать учебу, в ее беде: читальня «Дома Америки», того самого «Дома Америки», который изо дня в день развращает западноберлинскую молодежь «комиксами», детективными романами и порнографическими фильмами, того самого «Дома Америки», с которым непосредственно связана террористическая организация «Союз немецкой молодежи», вербовавшая молодых безработных для участия в фашистском заговоре 17 июня...

Вот кто, оказывается, скрывается под личиной респектабельной «госпожи Ренаты» — политическая сводня!

С. Л.

◇

„Божественный порядок“ Шторха

Выступая в западногерманском городе Герне, боннский «министр» Шторх заявил, как сообщает немецкая газета «Нейес Дейчланд», что плановая система хозяйства «противоречит порядку, установленному богом». Шторху, разумеется, мил порядок, установленный в аденауэровском государстве. И в самом деле, в «боннской республике» за четыре года появилось 200 новых миллионеров, в то время как число полностью и частично безработных возросло до 2 миллионов, а 10 миллионов жителей не зарабатывают даже самого скромного прожиточного минимума. Вот он, «божественный порядок» Шторха!

СВЕЖИЕ ПЕПЕЛИЩА В ЦЕНТРЕ ЕВРОПЫ

Большое горе обрушилось на семью крестьянина Брунса из Шуленбурга (Западная Германия). Во время недавних маневров вооруженных сил Северо-атлантического блока был сожжен амбар, в котором хранился весь урожай, собранный Брунсом.

Пострадал не один он: всему этому району нанесен огромный ущерб. 60.000 «атлантических» солдат вытоптали поля и луга, сожгли многие постройки, разрушили дороги.

Дорого обходятся населению «боннской республики» всевозможные маневры, учения и военные репетиции, без конца устраиваемые на территории Западной Германии!

На фото: западногерманский крестьянин Брунс с дочерью на пепелище — раньше тут был амбар; обгоревшие куски металла да зола — вот все, что осталось после «атлантических» маневров от плодов многолетнего труда целой крестьянской семьи...

Сколько таких свежих пепелищ рассеяно по Западной Германии!

Их вид способен лишь вызвать ненависть к аденауэровской клике и ее покровителям, превращающим немецкую землю в плацдарм новой агрессии.

Снимок из немецкого журнала «Нейе берлинер иллюстрирте»

КАК БЫЛИ ОБМАНУТЫ ИТАЛЬЯНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ

Калабрию легко найти на географической карте: своими очертаниями она напоминает носок «итальянского сапога». Тот, кто не жил в Калабрии, не знает, что такое нищета, говорят в итальянской деревне. Эта тоскующая по воде каменистая земля, где реки высыхают в летний зной, составляет обширную латифундию, которой владеет кучка помещиков.

У русского поэта В. А. Жуковского есть быль для детей о любопытном чужеземце, попавшем в Амстердам. Пришелец не знал голландского языка, и когда спрашивал, кому принадлежат эти богатые дома, эти корабли в гавани, — прохожие отвечали ему одной и той же фразой: «Каннитферштан» *. Богат же несметно этот Каннитферштан, решил наивный иностранец. В Калабрии, на вопрос, кому принадлежат эти бескрайние поля, эти тучные стада овец и коз и темнеющие вдали леса на плоскогорье Сила, вы получите один и тот же ответ: Баракко.

Но в отличие от мифического голландского богача Каннитферштана итальянский помещик барон Баракко — вполне реальная личность: в Калабрии он владеет 22 тысячами гектаров земли. Другому помещику — тоже барону — Берлинджери принадлежит в Калабрии 15 тысяч гектаров.

А крестьянам? Наделы малоземельных крестьян составляют в среднем 0,15 га. Это значит, что сто тысяч крестьянских семей имеют столько же земли, сколько одно семейство Берлинджери!

Не только в Калабрии, — во всей южной Италии трагедия крестьянства заключается в том, что оно лишено земли, опутано сетью феодальных пережитков и обречено на нищую, голодную жизнь.

Статистика свидетельствует: на долю 5.130 тысяч крестьянских хозяйств Италии приходится всего лишь 875 тысяч гектаров земли. Итальянская действительность такова, что безземельному крестьянину предоставляется на выбор: или гнуть спину за гроши батраком у помещика или бросить родимый край и отправиться в город, чтобы пополнить собой и без того внушительную армию безработных.

Участь малоземельного крестьянина немногим лучше. Он задавлен налогами и поборами и вынужден обрабатывать свою тощую полоску примитивными орудиями.

У калабрийца нет никаких оснований завидовать своему соседу, жителю Базиликате (Лукания). В этой провинции на 141 тысячу малоземельных крестьян приходится всего 24 тысячи га, — столько же земли, даже немногим больше, в имениях трех крупных помещиков этой округи.

В деревнях Калабрии и Лукании не увидишь школ и больниц, — туберкулез и трахома собирают здесь обильную жатву. Крестьяне, арендующие землю у помещиков, не только платят высокую арендную плату, но и обычно поставляют хозяину, как в средние века, кур и яйца, свежую зелень, фрукты и т. п.

Эти краткие сведения об экономическом положении крестьянства хочется дополнить еще одной справкой: в Италии почти половина — 10,3 миллиона гектаров — всей земли, находящейся в частной собственности, принадлежит помещикам. Но барон Баракко отнюдь не является среди них самым богатым. Крупнейший земельный собственник в Италии — Ватикан.

На этот счет бюллетень Национального института сельскохозяйственной экономики сообщает: «Ватикан, то есть католическая церковь, владеет через различные церковные организации 465 тысячами гектаров земли. Кроме того, имеются еще так называемые «Коммерческие общества» — в их руках 497 тысяч гектаров — и общества, выступающие под общим названием «Прочие кооперативы», — они владеют 867 тысячами гектаров земли. Если как следует разобраться, то можно обнаружить, что во всех этих обществах и «кооперативах» хозяйничает католическая церковь. К этому следует добавить, что почти все семьи ватиканской знати являются крупными земельными собственниками.

Папа Пий XI однажды назвал Муссолини «посланником провидения», потому что фашистский диктатор подавил крестьянское движение за землю после первой мировой войны и восстановил в деревне старые порядки. Церковь до сих пор использует фашистские законы против крестьян. Батраков, требовавших заключения трудовых договоров, кардинал Мармаджи пугал недавно отлучением от церкви.

После войны, в особенности во время парламентских выборов 1948 года, партия христианских демократов торжественно обещала, как это записано в итальянской конституции, ограничить частную собственность на землю. Это дало бы возможность передать безземельным и малоземельным крестьянам, по подсчетам демократической печати, по крайней мере 4 миллиона гектаров необработанной и малообработанной земли, принадлежащей крупным помещикам. Но лживые посулы христианских демократов остались на бумаге.

Лишь в 1950 году, когда лопнуло терпение крестьян и они вновь поднялись на борьбу за хлеб и землю, правительство решилось провести ублюдочную аграрную «реформу».

Правящие круги обманули крестьян. По куцей аграрной «реформе» они получили за три года вместо 4 миллионов гектаров всего 177 тысяч га. По условиям «реформы» крестьянин становится владельцем переданного ему клочка земли лишь через 30 лет. В течение этого времени он оплачивает стоимость земли и высокие расходы, связанные с ее предварительной и текущей обработкой. Таким образом, итальянский крестьянин, которому «посчастливилось» получить нищенский надел, попрежнему находится в долговой кабале.

Вот горестная повесть о бедняках из Яннелло (Кротоне), обманутых демохристианскими министрами.

Крестьяне из Яннелло захватили пустующую землю и крепко держались на ней. Они не испугались ни полицейских отрядов «челере» *, ни отлучения от церкви. И земля расцвела. Тогда вместо жандармов правительство отрядило в Яннелло одного из министров. Он прибыл в сопровождении музыкантов и кинооператоров. Министр возвестил беднякам, что им выделены новые участки и они могут хоть сейчас вступить во владение ими. Министр рисовал радужные картины: он обещал и дома, и воду, и удобрения. И 30 семей покинули родные места.

«Это были многодетные семьи, — писала газета «Унита», — в каждой из них насчитывалось от 7 до 10 человек, а всего их было 250 человек... Когда они прибыли на отведенные им участки, там не оказалось обещанных домов... Но зато там были бараки. И они начали работать. Но в один прекрасный день, когда урожай еще не созрел, крестьян выселили из этих бараков. Хлеб был скошен несозревшим и продан, потому что нужны были деньги, чтобы строить жилища. Терпеливые труженики кое-как соорудили лачуги из соломы и досок. Даже жители центральной Африки не согласились бы долго жить в таких лачугах... А дома в Яннелло так и не были построены. В правительственном управлении, где целая армия служащих занимается проведением «реформы», заявили, что все фонды исчерпаны...»

Вот как «Унита» описывает лачуги, в которых после всех мытарств поселились крестьяне, обманутые правительством. «Хибарка сколочена из досок, а щели заткнуты газетной бумагой. Почти все пространство занято двумя сбитыми наспех кроватями. В одном из углов — очаг, сложенный из камней. В противоположном углу — сундук, заменяющий шкаф...

На одной из кроватей лежит грудной ребенок, облепленный мухами. Он совершенно голый, в руках у него кукурузная лепешка, которую он пытается грызть деснами... В этой хибарке живут 12 человек. Кровать слева принадлежит крестьянину Луиджи Янополи, его жене и шестерым детям (трем мальчикам и трем девочкам). Кровать справа принадлежит Микеле Мускара и его сыну и дочери... И спят они все вместе! Когда идет дождь, — на кроватях лужи, а когда дует ветер, нужно придерживать крышу, чтобы ее не унесло...».

Правительственные организации, ведающие «реформой», поддерживают помещиков. Во многих районах крупные землевладельцы отбирают у крестьян урожай, собранный на земле, переданной по «реформе». Чиновники не торопятся с передачей участков новым владельцам. В результате «реформы» в провинции Пиза следовало распределить между крестьянами 17 тысяч гектаров земли. Но до сих пор три четверти этой земли попрежнему находится в руках старых собственников. Оказывается, правительственные органы позволили помещикам остаться на этих землях, уже обработанных крестьянами. В дело к тому же вмешалась Конфедерация крупных землевладельцев, и бывшим батракам предстоит жестокая борьба, чтобы отстоять свои крохотные наделы.

Крестьяне понимают, что они жестоко обмануты. Недавно итальянский писатель и художник Карло Леви посетил, как он сам выражается, «несчастный южный край». Он проехал по пустынной равнине Сила, по глинистым долинам горных рек, впадающих в Ионическое море, побывал в деревнях, ютящихся на голых горных вершинах Калабрии и Лукании, и поделился впечатлениями о своей поездке на страницах американского журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин».

«Чувствуется широко распространенное недовольство государством и всей работой его аппарата. Крестьяне полны сомнений и страхов... — рассказывает Карло Леви. — Эти южные крестьяне уже больше не представляют собой безымянной массы нищих, безропотных слуг, слепо голосующих за правительство... Они хотят не только хлеба, но и свободы, человеческого достоинства, а это, как они убеждены, можно завоевать только своими руками».

Мы видим калабрийских крестьян и на рисунках художника. Отчаяние и решимость — вот что, мне кажется, выражают их лица.

Может быть, с таким же выражением суровой решимости на лицах отчаявшиеся бедняки из деревушки в районе Лацио занимали соседнюю пустующую помещичью землю. Когда появлялась полиция, крестьяне уходили с поля. Но как только «челерини» уезжали, утрамбовав колесами своих «джипов» обработанные участки и захватив красные флажки, которыми крестьяне обозначили границы занятой ими земли, крестьяне возвращались и вновь принимались за работу. Они не пали духом, хотя многие из них очутились в тюрьме, другие — после полицейских расправ — на кладбище.

По данным бюллетеня «Солидарьета демократика», выступающего в защиту жертв демохристианской реакции, за время пребывания у власти правительства де Гаспери (с 1948 по 1952 год) в Италии было убито и ранено несколько тысяч трудящихся, а 139 тысяч приговорены к тюремному заключению. Две трети из них — крестьяне!

Борьба за землю, развернувшаяся в Италии, свидетельствует о мужестве, высоком духе патриотизма и самоотверженности итальянских крестьян. Их не устрашил террор. В конце сентября этого года «Унита» сообщила, что в провинции Кальтанисетта (Сицилия) крестьяне на рассвете вышли со своими орудиями труда и флагами и заняли земли имений Оливо Галлитано, Равекка, Джеббьяросса и Ваккаридзо — всего 9400 гектаров.

Трудящиеся крестьяне протестуют против земельной политики правящих кругов. Они продолжают борьбу за мир и хлеб на стороне демократических сил Италии.

Джованни ДЖЕРМАНЕТТО

* Я вас не понимаю (голл.).

* Челере — моторизованные отряды полиции.

Демонстрация крестьян итальянской провинции Болонья, борющихся за снижение ростовщической арендной платы и за раздел пустующих помещичьих земель.

Крестьяне Калабрии.

Рисунок Карло Леви из американского журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин»

ГОЛОС ПРАВДЫ

По страницам прогрессивной периодики США

В мускулистой руке рабочего — открытая книга. Он высоко держит ее над городами и полями Америки. Такова эмблема старейшего прогрессивного литературного журнала США — «Мэссиз энд мейнстрим». В наши дни смысл этого рисунка раскрывается полнее, чем когда-либо. Да, прогрессивная книга, прогрессивная печать выражает кровные интересы простых людей Америки, она существует в США благодаря связи с трудящимися массами.

В тех условиях, в которых выходит прогрессивное издание в сегодняшней Америке, выпуск каждого очередного номера, не говоря уже о создании нового журнала или газеты, составляет подвиг. Дело не только в политических гонениях и репрессиях. Трудно получить средства, необходимые для существования печатного органа.

И «Мэссиз энд мейнстрим» и другие издания вынуждены обращаться к своим читателям с просьбой о помощи. Эти обращения находят широкий отклик среди простых людей Америки.

Благодаря поддержке читателей заметно вырос за последнее время отряд передовых литературных органов печати.

Еще недавно единственной трибуной прогрессивных американских писателей был журнал «Мэссиз энд мейнстрим», продолжающий славные традиции своих предшественников — журналов «Мэссиз», «Либерейтор», «Нью мэссиз» и «Мейнстрим».

Сейчас прогрессивных периодических изданий в США насчитывается уже свыше десятка. В их числе и калифорнийский литературный журнал «Райтерс уоркшоп» («Писательская мастерская»), и выходящий в Нью-Йорке «Янг райтер» («Молодой писатель»), и тоненький ежемесячник боевой американской песни «Синг аут!» («Пой!»). Наконец, март 1953 года ознаменовался выходом в свет первого номера сравнительно толстого литературного журнала «Контемпорери ридер» («Современный читатель»), органа писательской секции Национального совета науки, искусства и свободных профессий.

Самый факт существования подобных изданий в условиях разгула реакции и бесчинств самозванных цензоров, накладывающих запрет на все честные произведения искусства, — убедительное свидетельство силы и стойкости прогрессивных настроений среди деятелей культуры.

О страстной тяге простых людей к миру, о тяжелой жизни и бесправии трудящихся в капиталистической Америке говорят новеллы и стихи, публикуемые в новом журнале «Контемпорери ридер». Всем своим содержанием он на деле утверждает задачу, сформулированную редакцией во вступительной статье к первому номеру: «Мы будем открыто разрабатывать темы, которые способствуют установлению мира, а не войне, равноправию рас, а не расизму...темы любви к людям вопреки заверениям снобов, будто художественные ценности доступны лишь избранным...»

San Francisco WRITERS WORKSHOP Spring 1952 25 Cents

Обложка журнала «Райтерс уоркшоп»

В первом номере журнала помещен рассказ Милерда Лэмпелла «Жертва». Герой его — ветеран второй мировой войны Дэйв — после шести мучительных лет скитаний по родной стране в поисках работы едет домой к матери. Брат написал ему: хозяин заключил новый контракт на сборку спускового механизма для пятидесятимиллиметровой пушки, дела идут хорошо, мастер сказал: пусть приезжает, что-нибудь сделаем. По дороге домой Дэйв обдумывает, под каким бы предлогом ему отказаться от этой работы. «Он знал, что не возьмется за нее. Знал, что не изменит ни Гонсалесу, ни Лунди (фронтовым друзьям. — Е. Р.), ни всем другим Лунди в мире и будет единственным известным ему способом добиваться, чтобы не было больше войны...»

Это мужественное решение, принятое человеком, измученным шестью годами безработицы и болью рухнувших надежд, внушает чувство гордости за людей, отстаивающих сегодня в Соединенных Штатах Америки дело мира. Вместе с тем судьба Дэйва и его фронтовых друзей показывает, насколько бесправен и нищ простой человек одной из богатейших стран земли.

В трехактной пьесе «Дом Потифара», опубликованной в том же номере журнала, Алан Макс и Лестер Коул рисуют картину того, как нарастает народное сопротивление в хлопководческих штатах далекого американского Юга в наши дни. Со страниц пьесы встают образы белых господ и черных рабов. Жестокость, цинизм, ложь и холодный расчет — в среде богатых плантаторов и их прихвостней. Все человечное, чистое, смелое — на стороне простых людей Америки, которых не сломить ни деньгами, ни насилием, ни угрозами.

Негритянка Марта, прошедшая тяжелый путь непосильного труда и унижений и уже давно занявшая свое место в рядах борцов за права своего народа, говорит со страстной убежденностью, обращаясь к молоденькой Джейн: «Разве ты не видишь, Дженни, что конец всему этому близок. Уже давно изготовлена огромная лопата, а рукоятка у нее длиной в сотни миль. Люди крепко держат эту рукоятку, чтобы смести с лица земли всех тех, кто распутничает и линчует, всех тех, кто заставляет людские сердца обливаться кровью...»

Они не организованы, эти люди, они еще только нащупывают пути борьбы, иные из них еще не освободились от иллюзий, но они уже на верном пути. Рука об руку с ними идут лучшие представители белой интеллигенции. Эта тема боевого единства в борьбе за права народа звучит в пьесе Макса и Коула с большой силой.

SING OUT!

Обложка журнала «Синг аут!»

Воля к единству и победе хорошо выражена и в отрывке из романа Филиппа Боносского, напечатанном в одном из недавних номеров «Мэссиз энд мейнстрим». В хмурую темную ночь собираются тайком на митинг в лесу рабочие бастующего завода. Вырабатывается программа совместных действий. И тут выясняется, что на руководство профсоюза надежда плохая, что в ряды бастующих проникли штрейкбрехеры. Кое-кто выкрикивает, что во всем виноваты черные. (Многолетняя пропаганда расизма и сейчас еще сильно дает себя знать в американских профсоюзах). И тогда во мраке ночи раздается страстный голос одного из руководителей забастовки: «Какое мне дело до цвета твоей кожи, лишь бы кровь в жилах текла красная! А если у тебя еще и душа смелая и ты в одном со мной профсоюзе, — то я постою за твое право быть моим братом, да так, что и последней капли своей собственной крови не пожалею...»

Еще очень робки первые шаги выходящего в Калифорнии литературного журнала «Райтерс уоркшоп», созданного по инициативе известного советскому читателю талантливого автора «Большой среднезападной» Александра Сакстона. Но как много жизненной правды в таком скромном отделе журнала, как «Просто от голода». В нем редакция предоставляет слово труженикам, ведущим изнурительную борьбу за кусок хлеба. Вот строки из одного такого рассказа:

«Работы нет, найти ее нелегко... Просто нигде не могу найти работы. Буквально **нигде!** Бедняки в домах призрения, и те живут лучше меня. Моя мать всегда твердила мне, что будут такие тяжелые дни в жизни. Но я никогда не думал, что их будет так много и что они пойдут такой плотной чередой один за другим...»

Мрачная картина нищеты встает и из рассказа известной негритянской актрисы Алисы Чильдресс, который напечатан в газете «Фридом» («Свобода»), издаваемой Полем Робсоном: «Вот, например, вчера я увидела негритянку с тремя маленькими детишками, и она смотрела на мясо, завернутое в целлофан так, словно это было какое-то изумительное ожерелье. Она морщила лоб, — на пакете был ярлык с ценой 1 доллар 47 центов, а мяса едва хватило бы одному, а не то, что троим. Ребятишки смотрели на мать с надеждой, но негритянка подошла к прилавку и взяла кусок солонины — она дешевле, и дети облизнулись так, точно их бедная мама купила им коробку пряников...»

Со страниц передовой печати США все громче и увереннее звучит голос надежды и неистребимой воли к победе над силами реакции.

В одном из недавних номеров ежемесячника «Синг аут!» опубликованы ноты и слова новой песни американского композитора Лес Райса «В прошлые дни». Рабочий, за спиной у которого — долгие годы труда, лишений и борьбы, говорит в этой песне о том, как, уложив сотни миль железнодорожных путей, он возвращался потом пешком, но собирается уложить еще много шпал; о том, как он не раз выходил победителем в стачках, но у него еще будет много выигранных стачек впереди. И кончает он свою песню так:

Да, правде великой меня научили
минувшие дни.
Нас в тюрьмы бросают, дубинками бьют.
Но волю к победе враги не сомнут,
Рабочий живет и вовек не умрет,
Пусть это помнят они!

Голос этой великой правды проникает в сердца простых людей Америки со страниц ее передовой печати и лучших произведений прогрессивной американской литературы.

Ел. РОМАНОВА

Редакция «Литературной газеты» выражает благодарность артистам, принявшим участие в праздничном вечере-концерте, посвященном 36-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: народным артистам РСФСР **Н. Боголюбову, П. Полю** и **Н. Рождественской**; заслуженным артистам РСФСР **Н. Слоновой** и **Э. Каминка**; заслуженному артисту Таджикской ССР **О. Солюс**; солисту Болгарского государственного театра оперы и балета гор. Софии **Н. Николову**, лауреату 3-го и 4-го всемирных фестивалей молодежи и студентов, венгерскому певцу **А. Варга**; артистам **Г. Великановой, Н. Нелиной, А. Петровскому, Р. Панкову, Б. Попову, Б. Спивак, Г. Тепловой, А. Ткаченко, Г. Тусузову, Е. Шереметьевой**; инструментальному квартету Всесоюзного радио — артистам **Б. Тихонову, Н. Назарук, В. Рыськову, С. Стихину**; композиторам **М. Блантеру** и **Н. Богословскому**, писателям **В. Ардову** и **В. Дыховичному**; концертмейстерам **Д. Ашкинази, А. Курис, А. Левиной, О. Томиной**.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.
Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.
Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30
Б03855.